

МИРЫ А. ВАЛЕНТИНОВА

АНДРЕЙ
ВАЛЕНТИНОВ

**КАПИТАН
ФИЛИБЕР**

ФАНТАСТИКА-АЛЬТЕРНАТИВА

ЭКСМО

Ноосфера

Андрей Валентинов

Капитан Филибер

«Автор»

2007

Валентинов А.

Капитан Филибер / А. Валентинов — «Автор»,
2007 — (Ноосфера)

Смерть нельзя победить, но от нее можно уйти. Ноосфера открывает много дорог, одна из которых ведет в Прошлое – Q-реальность декабря 1917-го, Каменноугольный бассейн, еще не ставший Донбассом. Капитан Филибер оказывается в эпицентре Гражданской войны. Но это другая, неведомая нам война. Офицеры и юнкера сражаются в одном строю с красногвардейцами, генерал Дроздовский ведет переговоры с Первым красным офицером Ворошиловым, Народная армия готовится вступить в бой с немецкими захватчиками. Река Времен меняет течение свое. Россия – не «белая», не «красная»... Какая? Роман «Капитан Филибер» является частью знаменитого «Ноосферного цикла» (романы «Сфера», «Омега» и «Даймон»), написанного Андреем Валентиновым на стыке традиций классической НФ и альтернативной истории.

Содержание

Timeline	6
Лабораторный журнал № 4	9
9 марта	9
Q-исследования: результаты и перспективы	11
1. Проводник	11
Timeline	12
1-1	12
Лабораторный журнал № 4	22
10 марта	22
Q-исследования: результаты и перспективы	24
2. Информационная ситуация	24
Timeline	27
1-2	27
Лабораторный журнал № 4	35
11 марта	35
Q-исследования: результаты и перспективы	38
3. Основные направления: современное состояние	38
Timeline	40
1-3	40
Лабораторный журнал № 4	50
12 марта	50
Q-исследования: результаты и перспективы	53
3. Основные направления: современное состояние (продолжение).	53
Timeline	54
1-4	54
Лабораторный журнал № 4	64
13 марта	64
Q-исследования: результаты и перспективы	67
3. Основные направления: современное состояние (продолжение)	67
Timeline	69
2-1	69
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Андрей Валентинов Капитан Филибер

*Пой, забавляйся, приятель Филибер,
Здесь, в Алжире, словно в снах,
Темные люди, похожи на химер,
В ярких фесках и чалмах.*

.....

*В путь, в путь, кончен день забав,
В поход пора.
Целься в грудь, маленький зуав,
Кричи «ура»!*

Константин Подревский

*Он сладко спал, он спал невозмутимо
Под тишиной Эдемской синевы.
Во сне он видел печи Освенцима
И трупами наполненные рвы...*

Евгений Винокуров

29. III. 2007. 12.24.

Я родился и умер.

Я родился и умер в один и тот же день, 17 марта 1958 года, о чем совершенно не жалею. Впереди целая жизнь, если повезет, даже две. Наверное, их следует прожить совершенно иначе, лучше, но в любом случае я почти счастлив. Говорят, Жизнь – дорога. Может быть, но не шоссе посреди желтой донской степи, а горный серпантин, лента Мебиуса, рассыпанные файлы в старом компьютере. Что было раньше, что позже – кто подскажет? И есть ли вообще эти «раньше» и «позже»?

Я родился и умер. Завидуйте!

Timeline

QR-90-0+40

Секретарю 1 Отдела РОВС Его Высокоблагородию
Генерального штаба полковнику фон Прицу С. И.
29 апреля 1958 года.

Грустно, Сережа! Лучшие уходят, зато с самого дна всплывает невероятная муть. Герои Гражданской войны плодятся, словно тараканы. Если бы только «красные», пусть их, но и «белые», увы, тоже. Из нынешних претендентов на знак «Сальский поход» можно сформировать Гвардейский корпус по штатам 1945 года. Пока был жив Михаил Гордеевич, их прыть как-то пресекалась, теперь же, когда не стало ни его, ни Филибера, начался самый «ветеранский» разгул. Добро б еще болтали, так ведь и чернила в ход пускают! «Дроздовцы в огне», «Зуавы в огне», «Марковцы в огне»... Скоро и о Вас напишут нечто вроде: «С юнкером Принцем в огне».

Вашего же покорного слугу господа сочинители изъездили вдоль и поперек. Такое выдают, что бумаге самое время испепелиться. Ну, почему бы не изваять подобно новомодному господину Ефремову нечто про Андромедову Туманность или Крабовое Облако? Так нет же, «историко-героическое» им подавай. Как сказал бы Филибер, мажор!

Не поленился и переписал пару страничек очередного опуса. Сережа! Мы оба с Вами были под Глубокой, именно Вы, если память не изменяет, искали сапог для «непобедимого Вождя», когда «Он» размахивал босой пяткой на дне оврага – вероятно, от радости, что «замысел Вождя начал осуществляться». Нет, нет, это не старческий маразм и не, прости Господи, «культ личности». Я, увы, цитирую. Почитайте и рассудите, что из написанного – правда. К сожалению, лет через двадцать и это станет Историей.

Найти бы «мемуариста», поставить по стойке «смирно»... Нельзя же так беспардонно врать! Голубова и то читать приятнее.

Развоевался я сегодня. Так ведь есть из-за чего!

Через неделю, даст бог, выпишусь из госпиталя – и прямо к Вам. Закажу билет на аэроплан «Туполев-104». Давно мечтал! Если бы не повод...

Ну, до скорой встречи, Сережа!

Ваш В.Ч., пенсионер.

P.S. Читайте, Сережа, читайте:

Василий Чернецов, наш непобедимый Вождь, дал приказ наступать на Глубокую. Обходная колонна под командой только что произведенного в Полковники Вождя состояла из сотни партизан, офицерского взвода, 2-го орудия юнкерской батареи, нескольких разведчиков и телеграфистов, а также двух легких пулеметов.

Нас было мало – но с нами находился Он.

Колонна отправилась перед рассветом – степью без дорог, рассчитывая обойти Глубокую и внезапно атаковать ее с севера. Остальному отряду Полковник Чернецов приказал к двум часам дня подойти к разъезду Погорелово и по условленному высокому разрыву обходного орудия начать наступление на Глубокую с юга. План был дерзок до отчаянности, но вся предыдущая работа доказывала, что только в нем надежда на успех.

Настроение у всех нас было приподнятое. Кто-то уже успел сочинить очередной куплет отрядной песни:

Под Лихой лихое дело
Всю Россию облетело;
Мы в Глубокой не сдадим —
Это дело углубим.
От Тамбова до Ростова
Гремит слава Чернецова.

Но сама Природа, казалось, была против нас, помогая врагу. Голодные и замерзшие пешие партизаны не могли двигаться быстро против сильного северного ветра и только к заходу солнца вышли в тыл поселка Глубокое. Полковник Чернецов приказал открыть огонь из орудия и двинул вперед цепи. В ответ наши позиции покрыли ровные очереди 6-й Донской, управляемой кадровым артиллеристом войсковым старшиной Голубовым. Появились густые цепи «красных». Они давно открыли движение колонны, следили за ним и ждали партизан. Темнота прекратила неравный бой.

Вождь не смутился. Он приказал идти в штыки.

Партизаны ворвались на станцию, но, понеся большие потери, были выбиты. Остатки офицерского взвода, потеряв связь с остальным отрядом, пробились через цепи «красных» и в темноте отошли вдоль железной дороги к Каменской. Полковник Чернецов, пользуясь темнотой, решил заночевать в будке церковного сторожа у одиноко стоявшей на окраине селения церкви. Там удалось передохнуть. Части 5-й казачьей дивизии и 6-я Донская батарея под командой Голубова тем временем искали в степи исчезнувший отряд.

Страх проник в сердца малодушных. Но мы знали — Вождь не даст нам погибнуть.

С рассветом партизаны обходной дорогой вышли на Каменский шлях. Желая всполошить «красных», Полковник Чернецов открыл оружейный огонь по станции. «Красные» после первого замешательства густыми цепями вышли из селения, а привлеченный выстрелами отряд Голубова преградил партизанам путь в Каменскую. После утомительного марша усталые бойцы встретили врага. Шесть орудий 6-й Донской батареи прямой наводкой разметали жидкие цепи партизан и заставили замолчать одинокое орудие.

Вождь не смутился. Глядя на него, держались и мы.

По приказу Командира отряд начал отход, преследуемый артиллерийским огнем и густыми лавами казаков. Прямым попаданием гранаты выбило лошадей первых уносов. Далее трехдюймовка шла на корне. При переходе глубокого оврага сломалось дышло, и по приказу Полковника Чернецова юнкера, утопивши подо льдом ручья прицел и угломерный круг, сбросили орудие с крутого склона оврага. Коннице отряда Полковник Чернецов приказал пробиваться на юг, но сам наотрез отказался от лошади. Чудом удалось двум десяткам измученных людей на замороженных упряжных и строевых лошадях уйти от свежих сил врага.

Казалось, наша борьба завершается. Горстка — против орды. Но Вождь оставался спокоен.

На дне оврага возле Полковника Чернецова собралось около шестидесяти человек партизан и юнкеров. Подпустив без выстрела лаву донцов, мы залпом в упор отбросили ее назад. Но вот огнем голубовских пулеметов Полковник Чернецов был ранен в ногу. Пролилась кровь Вождя...

Подъехали два парламентера с белым флагом с предложением сдаться. Превозмогая боль, Вождь сказал им:

— Передайте войсковому старшине Голубову, что мы не сдадимся изменникам.

Он знал. Он верил. Вместе с ними верили и мы.

Еще две атаки были отбиты. Голубовцы готовились к третьей, но внезапно все стихло. Мы недоуменно переглядывались, наконец, кто-то сообразил:

— Батарея!

Грозные пушки 6-й Донской молчали. Но вот издалека послышалось «Ура-а-а!», сперва негромкое, еле различимое.

– Приготовиться! – велел наш Полковник.

Теперь он улыбался, и мы поняли – час пробил. Замысел Вождя начал осуществляться.

На позиции красных упал первый снаряд. Батарея вновь заговорила – но уже совсем по-другому, на понятном и ясном каждому языке. Кто-то не выдержал:

– Наши! Там наши!!!

Второй снаряд, третий. «Ура-а-а!» уже близко, уже рядом. И тут мы услышали песню, известную в те дни всем на Тихом Дону. «В путь, в путь, кончен день забав, в поход пора!..»

Зуавы! Донские Зуавы!

– В штыки! – приказал Вождь. – В огонь!

(Чернецовцы в огне. – Мюнхен, издательство «Посев», 1958. С. 25–36.)

Лабораторный журнал № 4

9 марта Запись первая

Тот, кто вел Журнал № 1, был изрядным шутником – или откровенным занудой. На первой странице он воспроизвел (и не поленился!) «Правила ведения лабораторного журнала» с введением и семью подробными разделами. Остальные – Журналы № 2 и № 3 – зачем-то последовали его примеру. Правила хороши. Особенно умиляет требование – писать исключительно чернилами. Забавно: археологический дневник, напротив, заполняется только карандашом.

Дабы не порывать с традицией, цитирую начало:

«Полная и своевременная запись хода и результатов анализа или другой выполняемой работы имеет гораздо большее значение, чем может показаться начинающему работнику. На практике часто приходится возвращаться к ранее полученным данным: составлять сводные отчеты, оформлять материал для публикации в печати, анализировать и сопоставлять результаты, полученные в течение определенного периода, или проверять их в сомнительных случаях. Поэтому форма записи экспериментальных и других данных должна содержать ряд обязательных сведений и быть в какой-то мере стандартной».

Кто бы спорил? Аминь!

Лабораторные журналы достались мне в виде файла (на всякий случай сохранил копию на флешке). Первую запись хотел сделать вчера, в Международный день Клары Цеткин, но не смог преодолеть странной робости. Все трое, чьи журналы оказались слиты в один файл, в нашем мире уже мертвы. Начну записи – отправлюсь их дорогой. Разумом все понимаю, но все равно – кисло.

Сегодня решился, еще раз бегло проглядев Журналы моих предшественников. Если помянутая «форма записи» и является стандартной, то лишь «в какой-то мере». Кроме цитирования Правил, все трое (в дальнейшем – Первый, Второй, Третий) достаточно подробно изложили обстоятельства, которые привели их к необходимости вести Журнал. Поддержим традицию?

Итак. В конце мая 1986 года я, в те годы – старший преподаватель нашего университета, был призван на военные сборы. Честно скажу: не сообразил, хотя следовало бы. 5 июня я уже был в Чернобыльской зоне, в пустом и брошенном городе Припять. Шли дожди, мелкие, очень теплые...

Через двадцать лет, то есть несколько месяцев тому назад, диагноз стал окончательным. Мне советовали признать денег и ехать в Москву (или в Прагу), дабы врачи еще раз все осмотрели и просветили X-лучами, но от этой бесполезной мысли я отказался, равно как от операции в нашем онкологическом центре, что в Померках. Чем все заканчивается, я уже видел, причем неоднократно.

Аминь – дважды.

Боль пока переносима, до самого страшного, когда перестанут помогать наркотики, еще пара месяцев. Значит, пора начинать Журнал и стать Четвертым.

Пятый, Шестой и все последующие! Можно на этом прерваться? Детализировать нет ни малейшей охоты.

Перечитав Правила, обратил внимание на следующий пункт: «Работа должна иметь название – заголовок, а каждый ее этап – подзаголовок, поясняющий выполняемую операцию». Логично.

Q-исследования: результаты и перспективы

1. Проводник

Примечание: термином «Проводник» здесь и далее именуется вещество, применяемое в наших экспериментах. Его подлинное название не так сложно вычислить, но все же будем соблюдать элементарную конспирацию.

Сперва забавное. Из Израйля:

«Комиссия Кнессета по борьбе с наркотиками заслушала сегодня доклад об изнасилованиях женщин, находившихся под воздействием наркотического вещества, получившего название «наркотик для изнасилования».

«Наркотиками для изнасилования» называется группа наркотических веществ и медицинских препаратов, которые оказывают снотворное воздействие и отрицательно сказываются на памяти. В больших дозах наркотик может привести к летальному исходу, в малых – вызывает чувство эйфории, сексуального возбуждения и некоторые другие ощущения. Наиболее известными «наркотиками для изнасилования» являются «Рогипнол» («Гипнодорм»), «Проводник» и GHB. «Проводник» применяется как снотворное для животных, в том числе коров и лошадей...»

Следовало бы посмеяться, хотя бы потому, что Проводник ни в каком случае не вызывает столь желанное «чувство эйфории, сексуального возбуждения». Откровенный бред, равно как и отрицательное воздействие на память. Верно из перечисленного лишь то, что легальное распространение Проводника действительно связано с использованием его в ветеринарии. Это и обеспечивало относительную безопасность Q-исследований. Но очень скоро смеяться стало не над чем. Проводник запретили в Российской Федерации, более того, нескольких безвинных ветеринаров отдали под суд за его применение и даже хранение. «Общественность» повозмущалась, но толком никто ничего не понял. Поняли мы – кто-то очень серьезный занялся нашими делами. Быстро! DP-watchers вкушали покой лет десять, пока их не стали душить. Нам были отпущены всего три года.

Проводник признан наркотиком. «Для изнасилования» – ход почти беспроектный в нашем помешавшемся на феминизме мире. Заодно следовало пугнуть доверчивых родителей – что и было сделано. Проводник оказался еще и «клубным наркотиком». Цитирую навскидку:

«В малых дозах препарат вызывает мягкое, красочное ощущение, в то время как в больших дозах он приводит к опыту пребывания «вне тела» или «приближенности к смерти», потере сознания, делирию, амнезии, судорогам, а в некоторых случаях и к летальным нарушениям дыхания. Если препарат принимается одновременно с алкоголем, существует серьезная опасность того, что человек может заснуть или потерять сознание, а затем, если его вырвет, захлебнуться рвотными массами».

Не удивлюсь, если Проводник скоро станет «наркотиком Холокоста».

Вывод по Пункту 1. Q-исследования попали под запрет. Негласный, ибо обнаружение правды нашим противникам ни к чему. Из трех составляющих «Q-набора» (чип, Проводник и Программа) «они» выбрали «слабое звено». Выслеживать компьютерные программы бессмысленно, а признавать существование Q-чипа – крайне опасно. Не для нас, естественно.

Timeline QR-90-0

1-1

Мир был удивительно совершенным.

Маленький, почти игрушечный, он начинался у близкого неровного горизонта, рассеченного резким конусом террикона, заканчиваясь прямо возле ладони, сжимавшей твердую папиросную пачку. В Мире не хватало солнца, ушедшего за низкие серые облака, но это совсем не огорчало. Мир трясло – поезд не спеша поднимался по склону, и пол вагона то и дело вздрагивал. Но и тряска казалась мелочью. Даже отсутствие звуков и запахов нисколько не умаляло совершенство того, что открывалось прямо за распахнутой стальной дверью. Четкая серая врезка, словно иллюстрация в старой книге: небо, неровная застывшая от ранних холодов земля, черный террикон.

Мир двигался – не слишком быстро, вздрагивая на стыках вместе с эшелоном. Где-то впереди, совсем близко, была станция – тоже часть мира, но именно это почему-то тревожило, сбивало с мысли.

Станция... Надо подумать... Нет, сначала – прикурить.

Его маленький Мир совершенен. Он жив.

* * *

Он щелкнул зажигалкой и удивился – вышло с первого раза, ловко, одним движением большого пальца. Даже не понадобилось прятать в карман твердую картонную пачку с яркой желтой этикеткой. «Salve» – прочел он, вспомнив, что в мундштуке папиросы прячется маленькая ватка. Если разорвать...

Прикурил...

Щелк!

...Вдохнул резкий, пряный дым. Знакомо! Он курил такие, хоть и давно.

Зажигалка казалась странной, но тоже памятной. Такая или очень похожая была у отца – валялась в ящике для инструментов. Потому и удалось прикурить с первого раза, хотя привычные зажигалки ничем ее не напоминали. Они были без крышечки, они не пахли бензином...

Бензин... Кажется, он различал запахи.

Да, Мир был совершенен, но надо было что-то решать со станцией – той, что спряталась за близким горизонтом. В битком забитом вагонном коридоре он услышал... Нет, ему сказали...

– Эй, офицерик, угости барскими!

Ему сказали... И тоже назвали офицером, хотя он был в штатском – и никогда не служил в армии.

Сказали. Он услышал. Это хорошо.

– Прошу вас.

Чужие пальцы – длинные, с обкусанными ногтями, потянулись к пачке с желтой этикеткой. Открыли, задержались на миг.

– Благодарствую.

Да, он не служил. Три месяца в лагерях не в счет, и еще несколько в пустом брошенном Мертвом городе, который они охраняли и который их убивал – тоже не в счет. В военном

билете есть только запись о сборах, значит, не воевал, не служил. Его зря называют офицером. Это опасно, в маленьком совершенном Мире на офицеров объявлена охота, поэтому люди, с которыми он едет в купе, одеты в старые солдатские шинели со споротыми погонами. Едва ли поможет. Те, что в большинстве – и в Мире, в вагоне поезда – научились врага различать с первого взгляда.

Но он не в шинели! Обычное кожаное пальто, такие сейчас носят не только военные. Фуражка тоже гражданская, без кокарды...

«Офицерик»? Бог с ним, с устаревшим «благородием», но почему не «офицер»? Вероятно, типу с обкусанными ногтями тоже известно простейшее уравнение большинства. Если таких, как ты, много, очень много, можно себе позволить и худшее. «Измученный, переболевший и возвращающийся в часть...» Винокуров? Да, Евгений Винокуров, стихотворение про солдата из 1917-го. Этот точно не из возвращающихся и не из переболевших... В тамбуре они одни, стальная дверь раскрыта...

Он чуть не испугался, но тут же успокоился. Его Мир совершенен, бояться нечего. Поезд идет медленно, со скоростью трехколесного велосипеда, да и зачем этому небритому дезертиру выкидывать «офицерику» из вагона? Ради пачки «Salve»? Или просто – согласно единственно верному классовому подходу?

Все это, впрочем, ерунда. Станция...

– Офицерик, часы не продашь?

Часы? Он поглядел на левое запястье и удивился. Привычного ремешка не было, как и часов со знакомым циферблатом, белым, без единой цифры. Только стрелки – и маленький черный силуэт крылатой птицы. Такие в этом совершенном Мире не носят. Не было даже ремешка.

– Чего на руку глядишь? Мне настоящие нужны – барские, которые на брюхе, с цепочкой. У тебя небось серебряные. Или даже золотые, а? Свои были не хуже, так загнал...

Он уже не слышал. Солдату-дезертиру нужны «барские» часы, а ему...

...Так и должно быть – первая стадия, нереальность. Это не я, это все не со мной, Мир – всего лишь уютная маленькая картинка. Он сам его создал, он – демиург, Творец. Мир – часть его самого, продолжение его пальцев, его нервов, его взгляда, поэтому в Мире не случится ничего плохого, он совершенен... Эта серая, твердая от первых морозом земля, это серое небо...

И покроется небо квадратами, ромбами,
И наполнится небо снарядами, бомбами.
И свинцовые кони на кевларовых пастбищах —
Я знаю, что это – ненастоящее!¹

Он легко прогнал полузабытые, чужие в этом Мире слова когда-то слышанной песни. Настоящее, здесь все – настоящее! Первая стадия – ненадолго, сейчас пройдет, должно пройти. Вторая стадия – «стадия шлема», но о ней можно будет подумать позже. Ждать нельзя, надо действовать прямо сейчас!..

– Так что гони сюда часы, офицерик! Добром прошу, учти. Или подмогу кликнуть? Пальтишко-то твое...

Выпрямился, бросил недокуренную папиросу – прямо в серую врезку-иллюстрацию, в стылую реальность за распахнутой вагонной дверью.

Повернулся – резко, пытаюсь ощутить, почувствовать самого себя. Он должен...

...Не он – я! Я! Я! Я! Просыпайся!

¹ Здесь и далее стихи Бориса Смоляка.

– Пальтишко, значит?

Небритое чужое лицо приблизилось, дохнуло чем-то кислым. Нет, не приблизилось, это он сам...

Я – сам.

* * *

– Фасон нравится?

Ворот шинели оказался неожиданно колюч. Я давно не носил шинели, очень много лет. Забылось.

– И фасонщик тоже. Ты, баринок, пальцы-то убери. Хужей будет!

Он не испугался. Не я – этот в колючей шинели со споротыми погонами. Скривил рот, покосился на руку, впившуюся в воротник. Левую – правая была уже в кармане.

– Сейчас братве свистну...

– Свисти!

Пистолет оказался на месте. Мой Мир был совершенен.

– Не «пальтишко». Пальто фирмы «Jasper Conran». Стоит оно, как десять твоих шкур, только меняться никто не станет.

Ствол «номера один» уже упирался в его висок. Получилось как-то неожиданно просто. «Синдром шлема» – никаких сомнений, никаких комплексов – чистая реакция.

– Отпусти...

Осознал? Еще нет, рядом, возле самого тамбура, в узком коридоре, в загаженных купе – «братва». Наглые, уверенные в своей силе. Этот тоже – даже курить пришел с винтовкой, хорошо еще, в сторону отставил...

Винтовка, вещевой мешок... Мой, такой же, в купе. В следующую войну их будут называть «сидорами»...

...Уже называют. «Сидоры» упоминались в статье 1903 года о кубанских пластунах. Я еще удивлялся, почему у автора статьи такая неказачья фамилия. Гейман? Да, подьесаул Гейман.

– Отпускаю. К двери, быстро!

Ствол «номера один» указал направление – прямо к врезке-иллюстрации, к горизонту с терриконом.

– Пошел!..

Оскалился, попятился боком... Винтовка недалеко – протяни руку, но в тесноте с ней не развернешься. Потому и подчинился.

– Стал!

Теперь весь мир – небо, холодная окаменевшая земля, невидимое солнце – за его спиной. Словно спрятался, забился за грубую ткань шинели.

– Что на станции?

Губы дернулись усмешкой, забытая папироса повисла в уголке рта. Нет, он не боялся.

– Гаплык там полный. Тебе гаплык, офицерик! Эшелон с братвой на станции, все поезда шерстят, таких, как ты, на части рвут!

Я кивнул. Все верно, именно об этом толковали в коридоре такие же, в шинелях без погон.

– Так что, офицерик, опусти-ка свою пукалку...

Я выстрелил – не думая, почти не целясь. Даже не я – «номер один», карманный «маузер» модели 1910 года, решил сам заступиться за честь оружия.

Мир – маленький и совершенный – был снова со мной. Я подошел к двери, поглядел вниз, на неторопливо уходящий вдаль склон, бросил взгляд на далекий террикон. Станция – и поселок. Донбасс... Нет, не Донбасс – Каменноугольный бассейн, пора привыкать.

Винтовка показалась неожиданно тяжелой, почти неподъемной. Тоже с непривычки – мой «АКМ», номер ВК 0559, с которым пришлось патрулировать Мертвый город, был вдвое легче.

Забрать вещи. Да! И предупредить тех, кто в купе.

* * *

На гребне холма поезд уже не шел, еле-еле полз. Прыгать не пришлось. Просто шагнул вниз с подножки – из поезда-фантома прямо в холодную стылую реальность настоящего Мира. Земля ударила в подошвы... Порядок! Лишь фуражка подвела, съехала на ухо. Винтовка и оба мешка упали чуть дальше, их следовало поскорее подобрать...

– ...Етить твою триста раз подряд бога душу в матрену мать, етить твою в бабушку-лебедь, костить твою богородицу через вертушку по девятой усиленной, еж вашу кашу под коленку в корень через коромысло, твоей мамы лысый череп в могилу под мышку...

Фуражка, только что водворенная на место, чуть не улетела к самому террикону. Однако! Не один я, выходит, предпочел прогуляться пешком, кто-то очень голосистый решил составить мне компанию. Фольклорист, не иначе.

– ...Расклепать мою перететушку в ребро через семь гробов...

С земли поднимался некто высокий, в старой солдатской шинели. Шапка, тоже солдатская, но без кокарды, откатилась далеко в сторону. Знатоک фольклора выпрямился, поморщился брезгливо, провел рукой по шинельному сукну, затем пальцы коснулись широких «пушкинских» бакенбард.

– Какая, однако, мерзость! Прошу прощения...

Это уже мне. Заметил! Широкая ладонь, оторвавшись от лица, привычно метнулась к несуществующему козырьку, задержалась в полете.

– Фу ты! Совсем ремиз. Позвольте, однако, отрекомендоваться: штабс-капитан Згривец!

Ответить я не успел. Еще один голос прозвучал слева – громкий, молодой, с еле заметным гортанным акцентом.

– Поручик Михаил Хивинский. Мы здесь не одни, господа!..

Я обернулся. А нас уже, оказывается, трое! Третий – под стать голосу, и двадцати пяти, поди, нет. Тоже в шинели, но определенно офицерской, по плечам – лямки от «сидора». На горбоносом лице – белозубая улыбка. Загорелый, с небольшими шегольскими усиками... Его я запомнил, в вагоне сидели рядом, на одной полке, даже успели о чем-то потолковать.

Беспогонный, как и мы все.

Штабс-капитан и поручик... В переполненном купе нас было с дюжину, меня послушали двое. Двое? Но мы же не одни?

Хотел оглянуться, но вспомнил, что не представился. С именем и отчеством давно уже определился, а вот фамилия...

Ладно, берем трофейную!

– Капитан Кайгородов, господа. Николай Федорович. Предупреждаю сразу: в запасе, не служил, не воевал, не участвовал.

...Все верно, даже насчет капитана. Университетский старлей запаса, звездочка за Мертвый город, потом еще – от независимой Украины. Если все сложить, перевести на здешние деньги...

Рука под кожаный козырек. Надеюсь, товарищ Троцкий простит за плагиат.

Теперь можно обернуться.

* * *

Винтовка и оба «сидора», мой и трофейный, лежали в нескольких шагах, но я не спешил – ни за вещами, ни за оружием.

Считал.

– ...Двенадцать... четырнадцать... шестнадцать...

– Восемнадцать, – эхом отозвался поручик Хивинский, явно занятый тем же.

Я кивнул – именно восемнадцать. Молоденькие, в длинных, не по росту, шинелях, в штатских пальто, в каких-то невообразимых... душегрейках? Кацавейках?

Стрижки короткие. Одна винтовка на всех. Кажется, война отменяется.

Некоторых я уже видел, когда проходил по вагону, кто-то даже из нашего купе. Еще тогда подумалось, что все они – одна компания, только виду не подают. Сидели тихо, словом не обмолвились. Молчали – даже когда господа дембеля шутки строить изволили.

И тоже без погон. Нет, у одного, самого рослого, в наличии, хоть и криво сидят. Наверняка только что приколол – английскими булавками. Эх, господа юнкера, кем вы были вчера! Стоп, какие еще юнкера? Двое как бы не из прогимназии...

– Господин штабс-капитан, – вздохнул я, поворачиваясь к фольклористу Згривцу. – Постройте личный состав. Только без... Без этого.

– Без чего? – крайне удивился тот. Даже моргнул, очень натурально.

Уточнить?

– Без этого, штабс-капитан. Без всякой там, разъядись оно тризлозыбучим просвистом, триездолядской свистопроушины, опупевающей от собственного лядского невядения, рас-свистеть ее рассучим прогибом, горбатогадскую ездопрядину. Ясно?

Задумался, пошевелил губами, вероятно, считая коленца. Наконец, кивнул.

– Так точно, капитан, полная ясность. Без этого.

Повернул голову набок, почесал бакенбарду.

– А вы, господин Кайгородов, тонняга!

Вопрос о «тонняге» можно было пока отложить. Я пошел за винтовкой.

* * *

– ...Юнкер Тихомиров. Юнкер Плохинький. Юнкер Костенко. Юнкер Дрейман. Юнкер Васильев...

Я шел вдоль строя, глядя на молодые лица, большинству из которых еще не требовалась бритва. В голову лезла всякая дурь: 30 апреля 1945 года Адольф Алоизович обходит ряды гитлерюгенда. Не хватает лишь фаустпатронов... Двое на левом фланге, самые маленькие, оказались не из прогимназии, но я почти угадал. Кадеты из Сум, сорвались с места по призыву генерала Алексеева – Россию спасать. Белая гвардия, черный барон... Барон-то наш, Петр Николаевич, в бой пока не спешит, в Крыму сил для борьбы набирается – за спинами этих пацанов... Остальные хоть немного постарше. Очень немного.

– ...Юнкер Чунихин. Юнкер Петропольский. Юнкер Рудкин...

Запоминать я даже не пытался. Может, мы сегодня же разбежимся кто куда, броуновским хаосом в бесконечном пространстве Мира, чтобы никогда больше не встретиться. Юнкера пробираются домой – училища разгромлены, на несостоявшихся «благородий» охотятся чуть ли не собаками. Те, что попадут в Ростов или Новочеркасск, имеют все шансы последовать примеру малолеток из Сумского кадетского – и угодить прямоком в герои-первопоходники. Вот уж не завидую!

– ...Юнкер Приц...

Я невольно остановился. Не фамилия задержала – мало ли в мире фамилий? – а то, как была названа. Растерянно, чуть ли не жалобно, но одновременно с неким вызовом. Юнкер Приц... Почти Принц.

Юнкер Принц оказался с меня ростом, но не высокий, просто длинный. Худой, узкоплечий, тонкошей... Само собой, без погон, но не в шинели, в штатском пальто не по росту. Взгляд какой-то странный...

– Приц... – повторил он уже не так уверенно, решив, очевидно, что я не расслышал.

– Фон Приц, – не без злорадства поправил кто-то слева.

– Фон Приц – Минус Три, – донеслось справа.

Ребята были из одного училища – Чугуевского. Кажется, Принц пользовался там немалой популярностью. «Фону» я ничуть не удивился, присмотревшись же, сообразил и насчет «Минус Три». То-то его взгляд показался странным.

– Очки наденьте, юнкер. Нечего форсить.

Хотелось добавить, что беда невелика, у меня самого... Спыхватился. Здесь, в маленьком совершенном Мире, я прекрасно обходился без привычных «стеклышек».

Очки были извлечены из кармана – большие, с выпуклыми линзами. Принц пристроил их на большом породистом носу, вскинул голову:

– Сергей Иванович фон Приц, вице-чемпион училища по стрельбе!

Так вам всем!

Я одобрительно кивнул. Вице-чемпион был хорош.

На правом фланге стояли самые высокие – и самые взрослые. Двоих я отметил сразу – крепкие, плечистые, на левой щеке самого рослого – розовая полоска свежего шрама. Я остановился, взглянул выжидательно.

– Киевское великого князя Константина Константиновича военное училище, – негромко, с достоинством проговорил парень со шрамом. – Юнкера Иловайский и Мусин-Пушкин. Докладывал младший портупей-юнкер Иловайский.

– Константиновское имени генерала Деникина, – не удержался я.

Иловайский недоуменно моргнул, но сообразил быстро:

– Так точно! Закончил в 1892-м, одним из первых по выпуску. Но, господин капитан, кроме генерала Деникина наше училище...

– Отста-авить, – хмыкнул я. – Честь мундира защитите на поле брани. Потом... Отметились где?

– На щеке? – Портупей поднес руку к лицу, дернул губами. – В ноябре. Воевали с украинцами. Дали мы им, предателям-мазепинцам!

Чем кончилось это «дали», уточнять, однако, не стал. Я не настаивал.

Оставалось подвести итог. Я отступил на шаг, посмотрел на неровный редкий строй, скользнул взглядом по маленьким, замершим в испуге кадетикам на левом фланге. Затем повернулся к невозмутимому фольклористу Згривцу, который, воспользовавшись моментом, накручивал на палец левую бакенбарду.

– Что скажете, штабс-капитан?

– Три часа строевой, – кисло отозвался тот, даже не полюбовавшись нашим пополнением. – И по два наряда на кухне. Каждому-с.

– Хивинский?

Поручик тоже нашел себе дело – щелкал по сапогу подобранным где-то прутиком. Щелк-щелк-щелк!..

– Полный киндергартен, господин капитан!

Щелк!

Я поглядел на строй, понимая, что ребята ждут от меня каких-то слов – хотя бы объяснения, для чего их построили. Последнее не представлялось сложным. Сейчас я сообщу им,

что Мир, к сожалению, не полностью идеален, посему лучше дожидаться темноты – и организовано обойти станцию, осуществив стратегический маневр «огородами к Котовскому».

Набрал в легкие холодного стылого воздуха...

Щелк! Щелк!.. Щелк!

– В укрытие! В укрытие, разрядись все тризлозыбучим!..

Штабс-капитан Згривец сообразил первым. Прутик поручика на этот раз был не виноват.

В моем совершенном Мире кто-то решил пострелять.

Щелк! Щелк! Щелк! Ба-бах!

– В укрытие!

И покроется небо квадратами, ромбами,
И наполнится небо снарядами, бомбами...

* * *

– Думаете, на станции?

– Так точно. Из «мосинок» и из чего-то крупного. Не «трехдюймовка», пострашнее.

Лежать на животе оказалось не слишком удобно. Подмерзшая, твердая, словно камень, земля давила сквозь тонкую кожу фатовского пальто, впечатываясь в ребра. Я уже успел пожалеть, что не обзавелся обычной шинелью.

– Ага, снова! А вы знаете, господа, это – морское орудие. Не иначе, 57-мм пушка Норденфельда. Капонирная. Презабавно-с!

– В смысле? Линкор в степях Малороссии?

Згривец слева, поручик Хивинский – справа. Комментируют. Я молчу – по капонирным орудиям не спец, по всем прочим тоже.

– Вот, опять! Не линкор. Думаю, что-то на платформе. С колесами.

«Опять» – это «Ба-бах!». На винтовочные выстрелы мы уже не обращали внимание. К сожалению, разглядеть ничего не удавалось. Станция и поселок выше по склону, из нашего импровизированного укрытия видны были лишь несколько крайних домов. Маленькие корбочки под красными крышами...

– Господа, а не по нашему ли это поезду? Вовремя же мы!..

Ба-бах!

Укрытием для нас послужил небольшой овраг с пологими размытыми склонами. Так себе укрытие, конечно, – с горки открывался прекрасный обзор. Оставалось надеяться, что там все очень заняты. Если же спохватятся, станут присматриваться...

Уходить некуда. Позади – пустая железнодорожная насыпь, вокруг голая мерзлая степь. Все как ладони. Ба-бах – и крышка. Разве что в самом деле дожидаться темноты...

Я встал, отряхнул пальто и спустился вниз, к юнкерам. Меня сразу же окружили, но я покачал головой, оглянулся:

– Портупей!

Иловайский на этот раз оказался с винтовкой – с той, что я заметил еще на насыпи. Наверняка у кого-то отобрал.

– Отойдем.

В дальнем конце оврага обнаружилось старое кострище. Зола, угольки, несколько полусгоревших чурок... Котелок – ржавый, с пробитым дном. Сразу же захотелось поддать его сапогом.

– Как настроение личного состава, портупей?

Иловайский дернул плечом, поправил ремень винтовки.

– «Баклажки» рвутся в бой, хотят атаковать. Кто постарше... Если честно, страшновато. Оружия нет, одна винтовка, два револьвера... И не убежать – степь.

Парень не рисовался, не пытался играть в героя. И это очень порадовало.

Винтовок у нас было две, если считать с моей, трофейной. Кое-что имелось в карманах господ офицеров – и в моем тоже. Но все равно – кисло.

Я поглядел в серое низкое небо, представил, как мы все выглядим сверху – маленькие муравьишки на дне неровной ямы...

...Вторая стадия – «стадия шлема», она же одноименный «синдром». Считается очень опасной, опаснее первой. Все вокруг кажется ненастоящим, нарисованной декорацией, «виртуалкой». «И свинцовые кони на кевларовых пастбищах...» Люди – всего лишь «функции», фигурки на шахматной доске. Я – единственный живой человек в моем маленьком Мире, единственный Разум, остальные – марионетки...

Потом это пройдет. Если «потом» наступит.

Но я же – не единственный Разум! Я вообще не «разум», этот портупей, успевший повоевать с Центральной Радой, куда больше меня знает, что нужно делать, как поступить!

И все-таки – «синдром шлема». Где-то совсем недалеко отсюда лежит солдатик, возжелавший прикупить у меня часы. Мертвый... А может, и живой, я стрелял в живот, чтобы наверняка, чтобы с первого выстрела. Истекает кровью, стонет... Я подумал о нем только сейчас – и ничего не почувствовал. Просто вспомнил.

Между прочим, трофейный «сидор» оказался как-то подозрительно тяжел.

– Портупей, поручите кому-то... Или лучше сами. Среди вещей – два моих мешка. Один легкий, там папиросы, второй потяжелее. Я его у «товарища» конфисковал. Загляните, только осторожно. Как бы не рвануло.

– Так точно! – В глазах Иловайского мелькнуло любопытство. – И еще... Господин капитан, ребята боятся... То есть... Ну, в общем, мы не хотим, чтобы вы считали нас трусами. Мы сошли с поезда...

О господи! Зря, выходит, подумалось, что портупей – не из героев. Но чему удивляться? Время такое, можно сказать, эпоха. «А прапорщик юный со взводом пехоты пытается знамя полка отстоять, один он остался от всей полуроты...»

Кажется, пора браться за политрабату.

– Господин портупей-юнкер, – проникновенно начал я. – Истинный образец храбрости, а заодно и галантности показал некий рыцарь, который сражался с драконом, стоя к нему спиной, дабы не отводить взгляда от присутствовавшей там же дамы. Его подвиг да послужит нам примером.

Иловайский хотел что-то возразить, но я поднял руку.

– Минуточку! Подобных героев обожают романтические поэты – сволочь, которая прячется от фронта и зарабатывает себе на кокаин, призывая других героически умереть за Родину, желательно в страшных мучениях. Вы – будущий офицер, значит, должны понимать: ваша цель – не погибнуть за Родину, а сделать так, чтобы за свою родину погибли враги. Можно в мучениях. С поезда вы сошли, последовав настоятельному совету старшего по званию. Вопросы?

Вопросы у портупея явно имелись, но ответить не довелось.

– Капитан! Кайгородов! Сюда, скорее, распрогреб их всех в крестище через коромысло в копейку мать!..

Доходчиво. Убедительно.

* * *

Песня – непрошенная, чужая в моем маленьком Мире, не отпускала, не хотела уходить. «Он», ставший теперь мною, все не верил, не мог осознать до конца...

Загорится жизнь в лампочке электричеством,
Прозвенит колесом по листам металлическим,
Упадет с эстакады картонным ящиком —
Я знаю, что все это – ненастоящее.

Я сцепил зубы. Настоящее, все это – настоящее. Черный террикон справа, красные крыши впереди, склон, фигурки – малые мурашки – бежавшие вниз по склону. Мурашки то и дело оглядывались, дергались, некоторые падали...

Щелк! Щелк! Щелк-щелк-щелк!..

Отстреливались... Точнее, пытались – у тех, кто лупил по ним со стороны поселка, получалось не в пример удачнее.

Если мурашки добегут, скатятся вниз по склону, то неизбежно наткнутся на нас. Иного пути у них нет.

Щелк! Щелк-щелк-щелк!..

– Русская сказка есть – про домик, – сообщил невозмутимый Хивинский, поудобнее пристраивая винтовку, ту самую, трофейную. – Лягушка шла, в домик зашла, потом мышка шла, потом медведь... Мы сейчас, как в домике.

Кажется, поручик подумал о том же, что и я.

– В теремке, – несколько обиженно уточнил фольклорист Згривец. – Про теремок сказка! Или вы ее, поручик, так сказать, адаптировали?

– Про шатер сказка, да? – Легкий акцент Хивинского угрожающе загустел. – Сказка твоя – моя патриархальное детство, да? Среди пустыня ровный шатер стоит, да? Бар-якши, да? Один верблюд идет, да? Шатер видит, кыргыз барам, да?

Я покосился на разговарившегося поручика. Михаил Хивинский... Про пустыню, верблюда и «кыргыз барам» он, конечно, зря. Такие Пажеский корпус заканчивают. Но все-таки любопытно. Не грузин, не черкес. Может, действительно... Хивинский?

– Между прочим, это максималисты, – закончил поручик на чистом русском. – Сиречь господ ба-а-аль-ше-вички. Повязки видите?

Вот уж кому очки без надобности! Я всмотрелся... Верно! Красные повязки на рукавах. Не у всех, но у троих или четверых – точно.

– Они, – взглядевшись, согласился штабс-капитан. – Свиделись, разтрясать их бабушку в кедр Ливанский да через трех святителей матери их гроб...

Рядом зашелестело. Краем глаза я заметил портупей-юнкера. Иловайский, нагло нарушив приказ – сидеть и не высовываться, пристраивался поблизости. Само собой, не один, с винтовкой.

– Кипит мой разум возмущенный! – чисто и красиво пропел разошедшийся поручик. – Прицел – четыре, портупей!

– Есть!

* * *

Он снова увидел мир со стороны. Ледяная уходящая осень, низкое каменное небо, черная пирамида среди окаменевшей степи. И люди – мертвые люди на мертвой земле. Их уже нет, их

и не было, они – всего лишь сигналы, импульсы, раздражение нервных окончаний, шипастые «импы» в DOOMe. Бродила-стрелялка «1917. Kill maximalist!» Убей большевика!..

Этот мир находится на последнем издыхании,
Этот мир нуждается в хорошем кровопускании,
Этот мир переполнен неверными псами —
Так говорил мне мой друг Усама...

Лабораторный журнал № 4

10 марта

Запись вторая

Изучаю Журнал № 1. Для того они, журналы, и нужны. Опыт, как слои на антарктическом леднике – наслаивается, наслаивается, наслаивается... По крайней мере, теоретически. На практике же Первый (равно как и Второй с Третьим, чьи журналы я уже просмотрел) скорее самовыражается, чем описывает научный эксперимент. Тоже материал, но для психолога. Или психиатра.

Собственно говоря, ведение Журнала совершенно необязательно. Каждый из нас может просто прийти домой, еще раз перечитать инструкцию, включить компьютер, поставить диск с программой, сделать себе укол Проводника – и смело «погружаться». Но так никто не поступает. Возможно, потому, что все мы – люди не слишком молодые. Журналы анонимны, но изложение и весь строй мыслей говорят сами за себя.

Кстати, Первый и Второй неоднократно прохаживаются по адресу «современной молодежи». У меня появилось глухое подозрение, что кто-то из них – бывший школьный учитель.

Итак, безрассудство нам несвойственно, а посему каждый не только тщательно готовится, но и пытается помочь следующему. Насколько я знаю, так поступают Q-исследователи во всем мире, но «чужих» журналов (американских или, допустим, канадских) видеть еще не приходилось. Очень жаль, что ни с Первым, ни со всеми прочими нельзя просто поговорить. Поневоле начинает казаться, что Q-путь – это дорога смерти. Понимаешь, что это не так, убеждаешь себя, но все равно невесело.

Между предпоследним и последним путешествием Первый прожил целый год – его ничто не торопило. Очень интересно узнать, как именно.

О себе Первый пишет мало. По профессии он человек «книжный», скорее всего редактор, а посему рассуждения о Q-исследованиях начинает так:

«На работе постоянно приходилось повторять авторам: не думайте, что читатель – тупой дурак. Да, ему требуется совсем иное, чем писателю. Ему не нужны философия, интересная информация, свежие гипотезы, изыски сюжета и слога. Он желает читать о сильных страстях, драках, бабах, выпивке и жратве, причем всенепременно с хеппи-эндом. Читатель лучше знает, что ему нужно. Современная книга служит для СУБЛИМАЦИИ, а не для пополнения запаса идей и знаний. Смирите гордыню, пойдите читателю навстречу – и все будут счастливы в тех мирах, какие им по нраву и по карману».

Этакий изящный кульбит с переходом к Q-проблеме. То, что я с ним совершенно не согласен, не так и важно. Такой подход, насколько я понимаю, весьма распространен. Более того, именно в подобном духе формулируются байки, гуляющие в околonaучных кругах. Ничего, мол, особенного, просто Джек Саргати изобрел утонченный метод самоубийства.

Именно так в свое время давили (и додавали!) исследователей DP-феномена. О «сонных хакерах» тоже говорили, будто они сводят людей с ума. Неудивительно, что нас, исследователей Ноосферы, так мало.

Тем интереснее читать Журналы.

Первый озаботился – снабдил каждую свою запись эпиграфами, не слишком, кстати, удачными, зато неизбитыми. Почти сразу наткнулся на что-то, смутно знакомое:

Он сладко спал, он спал невозмутимо
Под тишиной Эдемской синевы...

Кажется, это тоже намек на Q-исследования. Если так, то не слишком удачный. Порывшись в закромах, я добрался до оригинала – малоизвестного стихотворения Евгения Винокурова «Адам»:

Ленивым взглядом обозрев округу,
Он в самый первый день траву примял,
И лег в тени смоковницы и, руку
Заведши за голову, задремал.
Он сладко спал, он спал невозмутимо
Под тишиной Эдемской синевы.
Во сне он видел печи Освенцима
И трупами наполненные рвы...
Своих детей он видел... В неге Рая
Была улыбка на лице светла.
Дремал он, ничего не понимая,
Не знающий еще добра и зла.

У каждого – свой подход. Первый определенно считал себя даже не Адамом, а Творцом, создающим новые Вселенные. Но это лучше, чем сводить Q-исследования к созданию очередного способа самоубийства – изысканного и чрезвычайно сложного. Или – убийства. Почему бы и нет? Такое тоже возможно – маленький уютный DOOM протяженностью в целую жизнь.

Q-исследования: результаты и перспективы

2. Информационная ситуация

«Заговора молчания» вокруг проблемы никогда не существовало. Сейчас такое невозможно в принципе – информация о любом открытии просочится сразу. Иное дело, чаще всего в совершенно искаженном и неузнаваемом виде. Впервые о возможности создания Q-чипа с упоминанием его изобретателя Джека Саргати было заявлено в 2001 году. Сообщение прошло почти незамеченным – о мозговых чипах можно было услышать на каждом углу, еще один картины не менял. Каждая такая новость сопровождалась, само собой, комментариями «специалистов» о том, что этого «не может быть». В общем ситуация привычная.

За последние годы (2001–2007) мало что изменилось. Упоминания о Джеке Саргати и его чипе очень редки, о самих же Q-исследованиях говорится лишь как о гипотетической возможности, причем сугубо сомнительной. Самый свежий пример (что любопытно, из русскоязычного Интернета):

«Гипотеза (из той же серии) о биологической сути времени поддержана американским ученым Джеком Саргати, который не оставляет попыток создать так называемый чип, который повторял бы структуру мозга человека(?), но с мощностью восприятия, в десятки и сотни раз превышающей подобную мощность мозга человека. Такой чип мог бы на основании этого стать настоящим генератором времени, своеобразной машиной его управления».

Что из этого можно понять? Ничего. Еще один сумасшедший изобретатель со сковородкой на голове. Более того, написано с хитрым «отсылком» к Машине Времени, находящейся в представлении среднего читателя на одной полке с Вечным Двигателем. Но и это не предел. Не так давно имя Джека Саргати прозвучало в совершенно невообразимом контексте. Вечный Двигатель сейчас не слишком в моде, зато маленькие и зелененькие – верный признак умственного расстройства. И вот пожалуйста!

«Джек Саргати, американский специалист по квантовой механике, сообщил, что вечером в пятницу 6 декабря 2006 г. кто-то позвонил на радишоу Арта Белла и, сославшись на свою связь с военными, сказал, что несколько лет назад в Ираке разбился НЛО. Поэтому США искали любой удовлетворяющий общественность предлог, чтобы вторгнуться в Ирак. На самом деле за их планами стоял великий страх, что Саддам сможет узнать и воплотить секреты разбившегося корабля пришельцев».

Все сие подкрепляется авторитетом некоего «уфолога Д. Трайнора». Впрочем, зелененькие человечки в Ираке – мелочь. Совсем недавно в прессе был распространен рассказ (якобы!) самого Саргати о том, что своими достижениями в физике он обязан все тем же пришельцам:

«В 1952–1953 гг., – рассказывает Саргати, – когда мне было лет 12, раздался телефонный звонок. В трубке я услышал странный металлический голос. Незнакомец представился бортовым компьютером НЛО и вежливо поинтересовался, хочу ли я научиться общаться с пришельцами. Помню, по спине у меня забегали мурашки. Конечно, было страшно, но я охотно согласился».

Вполне вероятно, что интервью подлинное. Саргати – известный шутник и охотно кормит журналистов (опечтался – но пусть так и остается) подобными байками. Однако воспринимают их слишком уж всерьез.

Итак, можно считать, что с научной репутацией Саргати в глазах «широкой общественности» покончено. Любое его высказывание теперь неизбежно станет ассоциироваться с НЛО и «тайнами Саддама». О том, чем Саргати занят в свободное от ловли пришельцев время – молчок. Разве что в неких мемуарах промелькнуло, будто именно он, ученик одного из создателей Бомбы Ганса Бете, между прочим, нобелевского лауреата, был главным экспертом по «делу Бора», когда американцы пытались выяснить, что именно сообщил датский физик советской разведке. Запомнят не Бомбу, запомнят «бортовой компьютер НЛО».

Если об основателе Q-движения еще что-то говорят, то о самих исследованиях данных почти что нет. Не упоминаются и Q-чипы – вероятно, потому, что мозговых чипов «не бывает». Правда, случайным поиском на каком-то «тусовочном» сайте обнаружилась уникальная цитата:

«Q-чип в голове перепрошей под эйфорию и живи себе на здоровье».

Именно так: «перепрошей» и без знаков препинания. Трудно сказать, что именно имел в виду сей выюнош. Неужели что-то слышал?

Единственная связная информация о Q-чипах нашлась «внутри» большой статьи по перспективам квантовой физики. Все цитировать не имеет смысла, но начало абзаца стоит перечитать:

«The ultimate goal of the Q-chip is apparently to create a chip-based consciousness that would offer humanity the human peer or human superior minds they want to figure out things that are beyond us – or at least competently care for mundane matters we ourselves don't wish to deal with, like the boring sorting through billions of statistical data bits to locate an inventive breakthrough of some kind».

Поскольку писано явно не профессором филологии, рискну дать свой вариант перевода:

«Основная задача Q-чипа, очевидно, состоит в том, чтобы создать сознание на основе чипа, которое предложило бы человечеству разум, равный человеческому или превосходящий человеческий, чтобы выяснить и описать вещи вне нашего сознания – или по крайней мере компетентно выполнять те задачи, за которые мы сами не хотели бы браться – например, скучная сортировка миллиардов бит статистических данных».

Здесь все верно, хотя и несколько «приземленно». Как и в следующем фрагменте:

«Other ideas relevant to the pursuit of the Q-chip include fractal strange attractors residing in other dimensions of reality, and the possibility of spontaneous self-organization among biologic lifeforms promoted by some thinkers in the theoretical field of complex processes».

Переводим:

«Другие идеи включают рекурсивные странные аттракторы, находящиеся в других измерениях действительности, и возможность спонтанной самоорганизации среди биологических форм жизни, выдвинутую некоторыми мыслителями-теоретиками».

Однако чуть дальше натываемся:

«The Q-chip folks also seem to imply the nonlocality involved in their ideas might allow Q-chips to ultimately, in effect, communicate through the time barrier itself – at least in some small way. Such movement could theoretically go both ways – into the past OR the future».

То есть:

«Сторонники и апологеты Q-чипа подразумевают также, что отсутствие локализации, однозначной пространственной определенности, заложенное в саму идею Q-концепции, могло бы позволить в конечном счете Q-чипам общаться, невзирая на барьер времени. Теоретически такое общение может идти в обоих направлениях – в Прошлое ИЛИ Будущее».

Таким образом, нам намекают, что речь идет об очередной «машине времени», на этот раз – квантовой. Далее должен возникнуть Вечный Двигатель, эскортируемый маленькими и зелененькими. Само собой, Q-чип для автора статьи – нечто, существующее лишь в мечтах. Во всяком случае о конкретных результатах работы ничего не говорится. Не упоминается и фамилия Саргати.

Судя по всему, понимая, что информационная блокада в современном мире невозможна, противники Q-исследований («они») сосредоточились на компрометации автора идеи. Сама идея толкуется, как одна из завиральных выдумок современной физики. О связке Q-чип – Проводник нет и намека.

Перечитал, еще раз пересмотрел материалы и понял, что не совсем прав. Имя Саргати в последнее время несколько раз поминалось в мире российской «большой науки». Его исследования никого не интересовали, зато тщательно муслировалось знакомство американского ученого с Геннадием Шиповым. Этот физик каким-то образом (причина в данном случае не важна) поссорился с руководством РАН, попал в опалу, а следовательно, угодил в число «лже-ученых». На свою беду Саргати не просто переписывался с Шиповым, но и встречался с ним. О чем шла речь в переписке, чем кончилась встреча – никому не известно. Зато сочетание «Шипов – Саргати» можно встретить почти во всякой статье, разоблачающей научных самозванцев, включая громокипящие бюллетени РАН «В защиту науки». «Комиссия по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований» – не шутка! Таким образом, имя Джека Саргати, пусть и не прямо, но включено в число тех, с кем она комиссия ведет борьбу. Анафема – если совсем кратко.

Особенно зацепили слова одного «борца» – «переписка с неким Джеком Саргати». «Неким»! Дальше идти некуда.

Вывод по Пункту 2. Кажется, «мы» здорово наступили «им» на хвост. Остается определить, кто, собственно, такие «мы»?

Timeline QR-90-0

1-2

Он пытался прогнать песню, как гонят прочь непрошеную осеннюю муху – зажившуюся на свете предвестницу беды. Не получалось. В его прежнем мире, очень большом и несовершенном, песня ему очень нравилась, он хорошо знал ее автора, они дружили...

Главное же, в песне была правда. «Ведь подземные жители и птицы райские, осенние ливни и грозы майские, холодные луны и солнце палящее – я знаю, что все это – ненастоящее». Его друг пел о совсем ином мире, не об этом – маленьком и таком внезапно неуютном, но здесь тоже все казалось ненастоящим. Даже цвета исчезли, оставив в арьергарде один лишь – серый. Громадный террикон потерял краски, превратившись в громадное бесформенное пятно посреди неровной тверди. Он вспомнил терриконы своего детства – рыжие, старые, поросшие многолетним кустарником. Этот пока «живой», летом наверняка дымится, ад в каменном чреве работает в полную силу. Так и должно быть. Его Мир моложе, здесь еще ничего не перегорело, не ушло в небо бесцветным ядовитым дымом...

Мир выходит из-под контроля, бунтует, живет по собственной программе. У Мира оказалась своя воля...

Он заставил себя усмехнуться. Лет через десять один пролетарский поэт назовет подобные излияния «мелкими рассуждениями на глубоком месте». Самый конец ноября 1917-го... Мир и должен быть таким – на последнем издыхании, переполненный разного рода неверными псами. Скоро это серое небо наполнится снарядами и бомбами, а он ничего не сможет...

Я ничего не смогу...

* * *

– Отставить! Я сказал – отставить!

Резко встал, поправил фуражку. Выпрямился. Полез рукой в карман. «Номер один» сейчас без толку, корреспондентская карточка «The Metropolitan Magazine» тоже... Вот!

– Кайгородов, не дурите! – резко бросил штабс-капитан. – Подстрелят за милую душу! Если у них, конечно, в наличии душа...

Отвечать не хотелось – ни времени, ни желания. Рука наконец-то зацепила нужное, извлекла, расправила... Кто тут ближе?

– Хивинский, помогите завязать!

– Ого!

И ничего не «ого». Обычная красная повязка, даже без надписи «ДНД». Такие надевали распорядители на первомайской демонстрации – или на ноябрьской, по сезону.

– Отменно, отменно, – комментировал Згривец, наблюдая, как поручик ловко завязывает узелки. – Вам бы еще, господин капитан, кумачовый штандарт в руки – с надписью «Вся власть Учредительному собранию!».

Я поглядел вперед, на неровный склон, на маленькие бегущие фигурки. Нет, уже не бегущие. Муравьи с красными повязками наверняка выдохлись, к тому же стрельба стихла, их оставили в покое. Может, повернут назад? Едва ли, им, как и нам, хочется оказаться в безопасности, зарыться от врага поглубже в эту холодную землю, они спешат сюда...

Я ничего не смогу изменить. Солнце не встанет на западе, даже не вынырнет на миг из-за облаков, и неверные псы ноября 1917-го скоро начнут рвать друг друга – враг врага! – на части. Но я и не собираюсь ничего менять во Вселенной. Речь сейчас о другом. Совсем необязательно умножать собственные неприятности...

– Непохожи, – рассудил Хивинский, справившись с повязкой и критически оглядев результат. – Максималисты предпочитают, так сказать, рубища...

Кажется, образ комиссара в черной коже еще не стал популярен.

– Не стреляйте пока, – вздохнул, – только если побегут прямо сюда.

Возразили в три голоса – португею Иловайскому тоже приспичило меня вразумить, но на спор уже не оставалось времени.

– Згривец, вы – за старшего. Только, ради бога, не устраивайте здесь Фермопилы!..

* * *

Я замедлил шаг, когда до беглецов оставалось не больше сотни метров. Они меня уже видели, и нарываться на случайную пулю не хотелось. К тому же стоило приглядеться к незванным гостям. То, что это не солдаты, я понял почти сразу, но вот детали...

Первой деталью был, конечно же, пулемет. Какой именно, понять мудрено, однако явно не киношный «максим». Что-то большое, наверняка очень тяжелое. Его волокли трое – крепкие саженого роста парни, без шапок, в расстегнутых штатских пальто.

Все-таки не бросили!

Остальные тоже были в гражданском, лишь на двоих я заметил шинели. Красные повязки – только у пятерых, зато винтовки почти у всех.

Итак, пулемет, два десятка винтовок, двадцать три орла. Нет, двадцать четыре. Только не орла – спринтера.

Вероятно, орлы-спринтеры столь же внимательно разглядывали мою скромную персону. Повязку, конечно, увидели, поэтому и не пытались стрелять. Пока...

Остановились... Стали группироваться возле высокого худого парня в широкополой шляпе... С повязкой? Само собой. Сейчас начнут обсуждать, кто-то горячий непременно предложит сперва пальнуть – а потом идти разбираться...

Я поднял руку. Немного подождал. Резко рассек ладонью воздух, вновь помедлил... Если не совсем идиоты – поймут.

Поняли?

Я оглянулся, представил, как поручик и португей смотрят в прорезь прицела... Фу-ты! Ну, вперед!.. Курс? Курс на широкополую шляпу!

Земля поползла вниз, каждый шаг отзывался резкими ударами крови в висках, хотелось остановиться, повернуть назад, побежать вперед. Неправда, будто направленные на тебя винтовки придают уверенности и оптимизма. Разве что прапорщику юному, который со взводом пехоты...

– Почему убегаем?

В лицо смотреть не стал – поглядел прямо, на расстегнутые пуговицы. Под пальто у владельца широкополой шляпы оказалась лишь темная рубаха. Тоже расстегнутая.

Очень тихо, очень-очень тихо... Они тяжело дышат, эти спринтеры. А если бы на подъем пришлось?

– А ты... А вы...

– Спрашиваю я! Почему бросили позиции?

Теперь – смотреть в лицо. В глаза! Не опускать взгляд.

– Но, товарищ... Их – целый батальон, у них – «танька» с пушкой! Они по поселку стрелять стали, по домам!..

– «Танька» с пушкой, – повторил я. – Хорошо, что не Машка с базукой. С чего вы взяли, что их – батальон? По головам считали?

– Так мы... Мы это...

Парень как парень, чуть постарше Иловайского и поручика. Худой, длиннорукий, жилистый, весь какой-то серый, закаменевший, словно с памятника «Погибшим красногвардейцам Октября». Взгляд, впрочем, неглупый, вполне вменяемый.

А еще ему очень стыдно.

– У нас командира убили, товарищ. И заместителя убили, и представителя из Юзовки...

– Ясно!

Ничего, конечно, неясно, но для разгона сойдет. Оставалась поинтересоваться фамилией. Нет, лучше вначале самому.

– Старший военинструктор Кайгородов Николай Федорович, уполномоченный по Каменноугольному бассейну. Решаю вопросы по железной дороге.

Кто сказал, что это неправда? А кем именно уполномоченный, можно пока не уточнять.

Парень поправил шляпу, провел худой ладонью по лицу. Вздыхнул устало.

Набегался!

– Красная гвардия поселка Лихачевка. Я – Жук. Жук Максим Петрович, помощник командира... То есть был помощник, а сейчас...

– Командир, – подсказал я, пытаясь не улыбнуться. – Вот что, товарищ командир, ведите людей вниз, к оврагу. Там мой отряд...

В его взгляде мелькнула радость, и мне пришлось уточнить:

– Отряд маленький – группа военных специалистов. У оврага остановимся, я должен буду их предупредить. А по дороге расскажете про батальон и про... «таньку». Так, кажется?

Товарищ Жук кивнул, хотел что-то ответить. Не успел.

– Каких таких специалистов? Ахвицеров, что ль? Не надо нам... Ты, ваще, кто таков будешь?! Знаем мы такую контру!.. Товарищи, не слушайте его, кадет он, сразу видно!..

Мы были на склоне не одни. Битая гвардия поселка Лихачевка собралась почти вся, даже здоровяки с пулеметом протиснулись в первый ряд. Я узнал «кольт-браунинг» и вполне одобрил их выбор.

Все остальное понравилось куда меньше. Парни, как и их командир, оказались самыми обычными, совершенно штатского вида, несмотря на грозный боевой запас (винтовки, бомбы у пояса, у двоих даже револьверы). Но они были напуганы, растеряны, их только что побила неведомая «контра». Тут и самому товарищу Троцкому не поздоровилось бы. Если этот Жук не вмешается...

– Тихо! Тихо, вам кажу!.. Цыть! Побазлалы – й будя. Тихо!..

Вмешался, но не он. Дедок – седоусый, в коротком старом полушубке и смушковой шапке. Подшитые валенки, красная повязка, немецкий карабин.

– Развоювались, пивныки! Так развоювались, що аж сюды добиглы. Ахвицеры не подобаються? А ти ироды, що нашу Лихачеву зараз грабують та гвалтують, виходить, кращи? Гэрои-разгэрои! Здоров будь, товаришу! Шульга я, Петро Мосиевич. Партийная ячейка.

Я подбросил руку к кожаному козырьку и наконец-то улыбнулся. «Партийная ячейка» был всем хорош – особенно тем, что после его залпа «пивныки» дружно проглотили языки.

– Кайгородов. Рад знакомству!

Ладонь Петра Мосиевича оказалась истинно пролетарской – каменной. Но это был не камень старого монумента. Дедок совсем не торопился стать барельефом.

– Трое нас в ячейки було, тильки двоих як раз сьогодні й положили: командира товарища Федько и товарища Сергеевича з Юзовки. От я одын й лышывся, а хлопцы вид жаху вси подурили...

– Мы не от страха!.. – попытался вмешаться командир Жук, но Петр Мосиевич лишь дернул усом.

– А ты молчи, пока доросли разговяют. Краще собери усих та построй, як годится. Перед товарищем военинструктором соромно!

Максим Жук обвел невеселым взглядом битое воинство, неуверенно попробовал голос:

– Ребята... То есть товарищи. Вы это...

– Строиться! – гаркнул я. – По росту, по росту, кто повыше – направо, остальные налево, бодро, весело, хорошо!..

Дедок покосился на меня весьма одобрительно. Подмигнул.

– От я и говорю.

Я вдруг понял, что мне очень хочется курить.

* * *

– Тэ-экс! – удовлетворенно протянул штабс-капитан Згривец. – Вопрос с «танькой» можно считать урегулированным, господа. Бронеплощадка, капонирное орудие Норденфельда и три пулемета. Может быть, вспомните, какие именно, гражданин та-ва-рисч?

Командир Жук понурился и даже не стал отвечать. Я мысленно пожалел красногвардейца: получасовой допрос, учиненный фольклористом, определенно не придал ему уверенности. Штабс-капитан не кричал, не ругался, просто спрашивал: обстоятельно, не спеша, ровным, невыразительным голосом. Затем переспрашивал, все так же вежливо. Но даже мне было не слишком уютно. Стоило зазевавшемуся командиру выговорить вместо «ствол» – «дуло» (пытаясь описать помянутые пулеметы), Згривец невозмутимо осведомлялся: откуда именно и не лучше ли прикрыть форточку.

Костры мы все-таки развели – рискнули. Авиации у супостатов в Лихачевке не имелось, а склоны оврага надежно скрывали от любопытных глаз. Нами, впрочем, никто не интересовался: возле домов с красными крышами было пусто. Стихла и стрельба.

Красную гвардию я отправил подальше, в глухой угол, к уже виденному старому кострищу, запретив любопытным юнкерам совать туда носы. Разъяснять ничего не стал. Пусть потренируются в дедукции и индукции, а заодно в искусстве разведения костра из щепок, сухих кустов и мелкого древесного мусора. Еще один костер мы разожгли сами, конфисковав старую бесхозную шпалу, найденную возле насыпи.

На моих часах – не золотых, самых обычных, простеньких, с тонкой серебряной цепочкой – начало третьего. Скоро начнет темнеть, а мы все еще продолжали разбираться. Главное, впрочем, уже понятно.

– Разъяснили «таньку», – повторил штабс-капитан и повернулся к Хивинскому: – Как там у вас, поручик?

Тот не стал отвечать, лишь поднял руку. Згривец кивнул, не стал мешать. Хивинский и вправду был занят – вместе с Шульгой-«партячейкой» пытался нарисовать план станции и прилегающего к ней поселка. Ввиду отсутствия ватмана и туши работа велась с помощью угольков прямо на куске полотна, изъятого у одного из парней. Хозяйственный красногвардеец завернул в него сайку и пару бубликов. Работа шла успешно: простецкий с виду дед много лет прослужил замерщиком – помощником маркшейдера.

Они были шахтерами – почти все, если не считать фельдшера и мальчишки-буфетчика. Маленькая станция, маленький поселок возле шахты, дома под красными крышами. Забойщики, крепильщики, проходчики, плитовые, стволовые, коногоны... Партийный товарищ Шульга, отбегавший свое по штрекам и лавам, последний год числился ламповым – выдавал товарищам карбидные лампы перед спуском в черную преисподнюю.

Само собой, именно они установили в Лихачевке советскую власть. Еще в октябре, чуть ли не раньше, чем в Петрограде. Красную гвардию организовали в конце августа, готовясь воевать с Корниловым. Юзовский Совет подбросил оружия, прислал служилого товарища Федько, фронтовика-фельдфебеля. Вместе с ним и собирались дать бой врагам трудового народа: корниловцам, калединым и прочим «кадетам».

Ударение в слове «кадет» упрямо втыкалось в букву «а». Следовало привыкать.

В последние дни в Лихачевке только и разговоров было о страшном «кадете» есауле Чернецове, присланном самим атаманом Калединым на пролетарскую гибель. Кроважидный есаул ненавидел шахтеров особо лютой ненавистью – по достоверным известиям за то, что на Макеевских рудниках, где он комендантствовал, некий забойщик отбил у казака чернявую дивчину...

Беду ждали с юга, откуда наступал Чернецов, и очень обрадовались, когда сам товарищ Антонов сообщил по телеграфу, что шлет в помощь цельный революционный батальон. Не один, а с «танькой»-бронеплощадкой и двумя «трехдюймовками»...

* * *

Юнкеров я застал за важным и серьезным делом – ребята пришивали погоны. Именно пришивали – английские булавки популярностью не пользовались. Нитки с иглками нашлись, разумеется, вкупе с самими погонами. Работали старательно, не спеша, молча, всем своим видом словно говоря: «Больше не снимем!»

Кадетики оказались не столь предусмотрительными и теперь рисовали погоны химическим карандашом, одним на двоих.

Убедившись, что все в порядке, я махнул рукой, пресекая попытку вскочить и отрапортовать. Хотел повернуться и уйти – господа красногвардейцы тоже требовали внимания, но меня отозвал в сторону портупей Иловайский. Как выяснилось, не зря. На склоне оврага к небольшому камню прислонились два знакомых «сидора» – мой и трофейный.

– Разрешите продемонстрировать? – Константиновец шагнул к трофею, наклонился. – Вот!

Я кивнул – нечто похожее мне и представлялось, недаром «сидор» был так тяжел. Две бомбы – большие, с длинными деревянными рукоятками. Или все же ручные гранаты? В мемуарах встречается и так и этак.

– Иловайский, как правильно: бомба или граната?

– Господин капитан, в наставлении сказано «ручная граната или бомба». А есть разница?

– А ни малейшей!

Гранаты (они же бомбы) были осторожно отложены в сторону, на заранее приготовленную тряпку.

– И вот...

Не выдержал – присвистнул. Солдатик, солдатик, и на хрена тебе была моя дешевка на цепочке?

Неяркий блеск металла – и негромкое тиканье. С цепочкой, без цепочек, большие и совсем маленькие, с камешками красными, с камешками белыми, с гравировками и без. Серебряных не оказалось, солдатик такими брезговал.

И заводить не забывал!

– Двенадцать штук, – Иловайский для верности начал раскладывать тикающую добычу рядом с бомбами, но я поморщился:

– Бросьте! Двенадцать... Погнался герой за чертовой дюжиной. Это все?

– Почти, господин капитан.

«Почти» демонстрировалось молча. Восемь пачек, все – в банковской упаковке, сотенными. Оставалось прикинуть, много это или мало для зимы 1917-го. Кажется, не так и хило. То-то любитель часов с «сидором» не расставался, даже в тамбур с собой захватил! За пазуху, поди, уже не влазило.

– Там еще картинки с девицами, господин капитан. И карты, три колоды...

...По восемь тузов в каждой. И что теперь со всем этим богатством делать?

– Карты и девиц – в костер. Лично проследите, портупей, чтобы до пепла. Бомбы – вам. Справитесь?

– Так точно. Знаком, – не слишком весело откликнулся Иловайский, думая, вероятно, о предстоящем аутодафе. Помиловать девиц, что ли?

– А эти приваловские миллионы...

– Поручите кому-нибудь, – подсказал портупей. – Пусть таскает.

Кажется, парень решил, что ко всем бедам я назначу его казначеем. Нет, константиновцы для иного сгодятся. Между прочим, вот он, дух эпохи. Полвека спустя мне бы уже намекнули, что такое следует не таскать, а поделить, причем прямо здесь – на двоих и по справедливости. А этому и в голову, кажется, не пришло.

– Портупей, а позовите-ка того парня в очках. Который вице-чемпион по стрельбе... Да, девиц можете пока оставить в резерве. Только не вздумайте показывать... «баклажкам»!

Вздых – глубокий, искренний, можно сказать, из глубин души...

На добычу я смотреть не стал. Отвернулся, достал пачку «Salve». Быстро курятся, никакого запаса не хватит...

Щелк! Зажигалка ИМСО – чудо враждебной техники. Тоже трофей, между прочим.

...А станцию придется брать. Была, была надежда, что революционный батальон, погуляв и пограбив, отправится дальше, навстречу Чернецову. Нет, не спешат, им и в Лихачевке неплохо. Ждать не стоит, ночь в ледяной степи – смертельный аттракцион. Костры не помогут, зато будут очень заметны в темноте...

– Ваше благородие! Юнкер фон Приц по вашему приказанию...

Фу-ты, задумался! А «благородием» меня еще не называли. Приятно? Не то чтобы слишком...

* * *

– Нет, нет... Почему я, господин капитан? Я действительно хорошо стреляю, очки не мешают. Я... Ваше благородие!..

Очкастому Принцу очень не хотелось становиться казначеем. Я его понимал, но выбор был не слишком велик. Парень по крайней мере взрослый. А с «минус три» в атаку лучше не ходить. Разобьет очки, где новые искать станет?

Я поглядел в большие выпуклые стеклышки, поймал несчастный умоляющий взгляд и мысленно пожалел парня. Но только мысленно... Как бишь там, в моей любимой книге про Гамадрилу?

– Юнкер фон Приц! А вы можете мощным толчком бросить тело вверх, ухватиться руками за горизонтальный сук в трех метрах от земли и в полете развернуться винтом на 180 градусов?

– А...

– Поэтому не мудрствуйте, а выполняйте приказ. Начните с подробной описи...

Возле нашего костра кое-что изменилось. У тлеющей шпалы, прямо на земле, была разложена импровизированная карта – серое полотно, покрытое неровными угольными черточками. Господа офицеры и товарищи комсостава сгрудились возле него плечом к плечу, о чем-то негромко переговариваясь. При моем появлении штабс-капитан Згривец повернул голову:

– Знаем решение. Разрешите доложить?

Кажется, военный совет провели без меня. Оно в принципе и верно, но как-то... Обидно? Не то чтобы обидно...

Оставалось присесть рядом. Шахтеры молча подвинулись, и я оказался между командиром Жуком и бывшим замерщиком Шульгой. С некоторым удивлением я заметил на лице «партячейки» очки. Не рабоче-крестьянские, в железной или роговой оправе, а вполне «барские», с позолотой. В сочетании с седыми усами смотрелось неплохо.

Значит, решение? На миг я задумался. Я тоже знаю решение – оптимальное для моего маленького и, увы, не слишком совершенного Мира. Можно сказать, наилучшее. Не потому, что я умнее, просто у меня хороший обзор. Башня высотой почти в целый век...

Как начать? «Господа»? «Товарищи»? Только не «граждане», я же не участковый!

– Господа офицеры и товарищи красногвардейцы! Штабс-капитан Згривец сейчас доложит решение, но сначала...

Я поглядел в серое, начинающее темнеть небо. Еще совсем недавно я прикидывал, чем лучше заняться в моей маленькой личной Вселенной. Громадьа планов, правда, не наблюдалось, менять Историю – это для Гамадрил, умеющих развернуться винтом в полете. Всю жизнь предпочитал быть наблюдателем...

– ...Сначала предложу свое. Оно совершенно негероическое, зато очень реальное. Начинается война, господа и товарищи, большая война. Сейчас у нас есть шанс в нее вступить – со всеми многочисленными последствиями. Обратного хода ни для кого не будет, прошу это понять. А война предстоит такая, на которой в плен не берут и перемирий не заключают... Есть другой вариант – не спешить. В принципе можно будет отсидеться, уехать подальше... справку об инвалидности выправить. Как стемнеет, мы обойдем поселок – с запада, обогнув террикон. Офицеры и юнкера пойдут вдоль «железки» на юг, навстречу Чернецову. А товарищи шахтеры – к ближайшему поселку, где есть телефон или телеграф. Оттуда можно связаться с Антоновым и потребовать помощи. Товарищ Антонов-Овсеенко не станет ссориться с рабочим классом, разберется. Вот такая стратегия, товарищи и господа. А если вас все-таки мобилизуют, вы станете убивать друг друга с чистой душой, потому как не ваша в том будет вина...

Сказал... Кому? Им? Самому себе? Или Миру – такому маленькому, такому настоящему... ненастоящему? «И свинцовые кони на кевларовых пастбищах...»

– У меня брата эти сволочи убили, – негромко бросил командир Максим Жук. – И четырнадцать не исполнилось парню. Без оружия был, посмотреть прибежал...

Никто не ответил. И что ответить?

– Нэ дило цю наволочь видпускаты, – рассудил наконец дед-«партячейка». – Видпустымо – дали вбиваты безвинных пидуть. И над нами нэ змылуются. Отака, товариш Кайгородов, стратегия партии будэ.

Господа офицеры переглянулись.

– Э-э-э, а не подскажите ли... уважаемый, – мягко начал Згривец. – Какой именно, так сказать, партии? Эсдековской или, может-с, анархистской? Был у нас один в батальоне, все господина Кропоткина цитировать изволил-с.

– Чому ж анархистська? – удивился товарищ Шульга. – Социал-демократы большевики. Партия у нас, трэба сказаты, серьезная. Спысок номер пять в Учредительное.

– Учредительное! – в один голос выдохнули штабс-капитан и Хивинский. На их лицах проступили столь не соответствующие моменту блаженные улыбки.

– Я бы, знаете, шомполами, – мечтательно проговорил Згривец. – Желательно – пулеметными-с.

– Камчой можно, – рассудил Хивинский. – У деда моего такая была, со свинцовыми шариками, бычью шкуру прорубала... Разложить господ ад-во-ка-ти-шек – прямо в Мраморном дворце. Начать предлагаю с Керенского...

– Слушать противно! – перебил командир Жук. – А еще спрашивают, почему народ офицеров не любит? Кто же таких полюбит? Шомпола, камча... Все бы вам над народом глумиться! Баловство это все, причем вредное. Адвокатишек, граждане, надо без всяких ваших церемоний ставить к стенке. А к Учредительному подбросить бронедивизион – пушечный для верности.

– Молодой ты ще, Максим, – осуждающе качнул усом Петр Мосиевич. – К стенке! Ремонтировать стенку кто будэ? А свинец грошей коштуе, народных, щоб ты знав. Тому ниякого «к стенке». Есть у нас старая шахта, у трех верстах отсюда. Видвэсты туды усих цих адвокатив з меньшовыками – и прощайте, панове!

Улыбки с офицерских лиц словно дождем смыло. Поручик неуверенно кашлянул, зачем-то привстал:

– Шахта, как я понимаю... глубокая?

– На всех хватит! – отрезал командир Жук. – А для полной ясности, граждане, напомним. В августе вы со своим Корниловым уже против Керенского-гада воевали. Чем кончилось, могу рассказать – если кто забыл. А мы с Керенским в октябре в три дня разобрались, в бабском платье из Петрограда убег. Прав Петр Мосиевич, серьезная у нас партия!

Теперь настало время кашлять мне.

– Давайте по политическому вопросу... потом. Уже в Лихачевке. Господин штабс-капитан, вы хотели доложить?

* * *

Сумерки застали врасплох. Он, конечно, знал, что за днем следует ночь, ибо таков порядок во всех мирах, где светит Солнце, пусть даже невидимое за толщей серых облаков. Знал – и ждал, без всякого опасения и страха. Ночь будет нужна ему и всем остальным, бояться же в его маленькой совершенной Вселенной нечего. Сигналы, поступающие на нервные окончания, могут расстроить, но не убить. Просто первый вечер, просто первая ночь.

И все-таки тьма, подползавшая слева, от невысокой железнодорожной насыпи, заставила дрогнуть, пусть ненадолго, на какой-то миг. Солнечный огонь так и не смог пробиться сквозь тучи и теперь бесцельно растворялся в белом пятне заката. Ночь наступала, тени, незаметные пасмурным днем, внезапно загустели, налились ледяной плотью. Мир уже не казался рисунком, удачной выдумкой, иллюстрацией в старой книге. Мир стал слишком реален – как и война, начинающаяся прямо на его глазах. Он понимал, что она неизбежна, как и ночь, но холод все равно подступал к сердцу. Зато песня отпустила, улетела с порывом ветра в его настоящий реальный мир, где можно вволю рассуждать – и петь! – о ненастоящем. Другое представилось, вспомнилось: дорога, ведущая в закат, черные деревья слева и справа – и мертвые всадники, неторопливо рысящие к близкому горизонту. Убийцы и убитые, правые и неправые, «белые» и «красные»...

Он это видел когда-то – в кино, на сцене, во сне, на желтой бумаге старой книги, на холсте картины. Не так и важно, потому что сейчас не было нужды ни в пленке, ни в красках. Закат, подступающая чернота, степь, резкий конус террикона – и мертвецы на призрачных конях. Не рассмотреть ни пробитых пуль мундиров, ни масти неслышно ступающих коней. Ничего не изменить, никого не спасти. Ничто не хочет меняться, никто не желает спасения.

Он это знал.

Я это знал...

Лабораторный журнал № 4

11 марта
Запись третья

В мой последний (во всех смыслах) визит в больницу удалось пополнить коллекцию «врачебных» анекдотов. Такого еще не встречал:

– Алло, Иванов? Здравствуйте, это ваш доктор. Вы у нас тут анализы сдавали, так вот по результатам вам осталось очень мало жить...

– Сколько, доктор?

– Пять...

– Чего? Лет, месяцев, дней???

– ... четыре... три... два...

После таких визитов (и анекдотов) совсем иначе начинаешь относиться к невинным развлечениям вроде популярной анкеты «Вам осталось жить три недели. Ваши действия?». В самом свежем из виденных мною вариантов, предлагались такие возможности:

а) убил бы себя;

б) постарался бы взять себе от жизни все, пока боль не мешает: попробовать тяжелые наркотики, групповуху, гомосексуализм, бейс-джампинг, еще чего-нибудь, а потом убил бы себя;

в) постарался бы сделать что-то хорошее людям, семье.

Интересны не сами «альтернативы» (в еще одном варианте предлагалось прогуляться с бензопилой к Кремлю), интересен подход. Почему-то никто, ни разу не предложил очевидное: ПОСТАРАЛСЯ БЫ ПРОЖИТЬ БОЛЬШЕ.

Неотменяемость приговора (как в моем случае) этому не помеха. Время у каждого свое. Эта абстрактная философская истина порой становится чрезвычайно конкретной.

Так я стал Четвертым.

Судя по всему, я несколько переоценил свои возможности. Не имеет смысла вдаваться в детали, но времени определенно меньше, чем думалось и чем хотелось. Ввиду этого приступил к «ликвидации дел». Между прочим, словосочетание «ликвидационная комиссия», часто встречаемое в документах начала прошлого века, всегда приводило меня в некоторое смятение. «Ликвидационная» – ВЧК, а то и хуже. Теперь же... Теперь я сам себе – комиссия. Чрезвычайная и ликвидационная.

С научной библиотекой определился, равно как с архивом. Осталось удалить лишние файлы из компьютера. Незавершенное останется незавершенным, а то, что придет в голову, буду заносить прямо сюда, в Журнал. Авось Пятого, Шестого и всех последующих это развлечет.

Пока же продолжаю изучать Журнал № 1. Первый определенно стремился «оживить» повествование (это к вопросу об анекдотах). Мне даже подумалось, что он рассчитывал на публикацию – пусть и в неблизком будущем. Едва ли. Если работы самого Саргати издаются в год по три строчки, то кого заинтересуем мы? Дневники красноглазых лабораторных кроликов...

Кое-что из записей Первого любопытно. К примеру:

«Приговоренный к 20 годам лишения заключенный румынской тюрьмы подал иск в суд не на кого-нибудь, а на Бога. Будучи убежденным, что жизнь его сложилась неудачно и что он не получил положенного ему по договору, заключенный винил во всем Всевышнего. Он потребовал привлечь Бога к ответственности за мошенничество, злоупотребление властью и взятку. По его мнению, непосредственным представителем Бога является Румынская православная церковь, которая и обязана возместить ему якобы нанесенный Богом ущерб. Адрес ответчика указан просто – «Небеса».

Для Первого байка про современного Иова стала поводом к долгим размышлениям о нашем «богоподобии» – и о Q-исследованиях, как способу приближения человека к своему Прототипу. Мысль понятна: Творцу свойственно создавать миры по Своему усмотрению. Мы, Его творения, в меру возможности следуем примеру.

Пусть это даже так (не силен в теологии!), но история румынского ээка говорит об обратном. Творец ни у кого ничего не просил – и в суд не подавал, а создавал и брал САМ. Нечто подобное Он, помнится, пытался изложить помянутому Иову, вещая из тучи.

Повторюсь, в теологии не силен. Более того, рискну повторить Лапласа: в данном случае для решения задачи Творец не требуется. Конфликт между «ними» и «нами» имеет вполне земные корни.

Дабы в дальнейшем не возникал вопрос о происках Всемирной Масонерии (Ордена Тамплиеров, Пятого интернационала, Зеленого Храма Люцифера), рискну предположить, что в настоящий момент никакого Всемирного Правительства не существует. Дело не в отсутствии желающих, а в чисто технических трудностях. Если сверхмогучие Штаты не могут обеспечить действительный контроль над своей «сферой влияния» (а это все-таки не весь мир), то откуда у гипотетических «жидомасонов» ресурсы, дабы править земшаром – от Гренландии до Атлантиды? Кроме средств требуется еще и аппарат.

В общем, ерунда.

Зато не ерунда то, что в «глобализируемом» мире у очень многих появляются сходные интересы. Если использовать терминологию Тойнби, на «глобальный» Вызов следует столь же глобальный (уже без кавычек) Ответ.

Вызовом являлось и является вполне очевидное стремление Власти (всякой – от правительства США до правительства Микронезии) к полному контролю над Человеком. Человек же (осознанно или нет) этому противится. Особенность «глобального» этапа вечного конфликта в том, что у Власти появилась возможность осуществлять контроль во всемирном масштабе близкими или даже одинаковыми средствами.

Прямыми: международная координация усилий в борьбе с терроризмом, наркоманией и «странами-изгоями».

Косвенными: через телевидение, рекламу, виртуальную «сеть».

Власть стремится овладеть всеми «измерениями», доступными Человеку. Тот же в свою очередь пытается отстоять свой независимый «уголок» – или найти новый, недоступный для контроля. Если же это невозможно, то построить легендарный «фанерный ероплан», на котором можно улететь из нашего общего «колхоза» к известной матери. Хоть в Париж, хоть в страну Беловодье.

Поэтому, если оставить вопрос о «богоподобии» в стороне, Q-исследования можно смело признать частью усилий Человечества по постройке «фанерного ероплана». «Мы» его строим, стараясь координировать усилия. «Они» этому противятся. В этом и состоит суть конфликта.

Власть («они») сравнительно легко устанавливает контроль над двумя измерениями Бытия (если, конечно, не прятаться в ледниках Антарктиды). Третье (вверх-вниз) сулит больше свободы, но не у каждого найдется подходящий «ероплан», пусть даже фанерный – или «Наутилус» с ядерным реактором. А вот дальше степень свободы резко возрастает. Недаром «офи-

циальная наука» с пеной у рта, задыхаясь и выплевывая вставные челюсти, кричит одно и то же: измерений всего три, три, три!!!

Здесь и начинаются «пляски на китах».

Люди, осознанно или нет, упорно ищут дорогу в Беловодье, лежащее за тремя «официальными» измерениями. Власть, понимая, что возможности контроля над Беловодьем минимальны, готова идти на все, дабы не пустить, перекрыть дорогу. Так было уже много веков, но в последние десятилетия в связи с резким прогрессом технологий «пляска на китах» перешла в горячую стадию.

Четвертое измерение – Время. За ним начинаются измерения Ноосферы, имени еще не имеющие.

Q-исследования: результаты и перспективы

3. Основные направления: современное состояние

Порядок бьет класс. Власть, тупая и неповоротливая, но обладающая звериным нюхом на опасность, уверенно взяла след. В этом ей охотно помогает жалкая сучонка на коротком поводке – «официальная наука». Ее нынешний уровень даже не требует критики – он слишком очевиден. Корпоративный страх (а вдруг кормушку отнимут?) заставляет «официальных» порой говорить правду. Вот, к примеру, что такое с «их» точки зрения научная истина (из уже поминавшегося бюллетеня РАН «В защиту науки»):

«Истинность или ложность научных результатов определяется коллективным мнением всего научного сообщества. Спорные работы обсуждаются на конференциях и в научных журналах и ошибки в конце концов исправляются».

При таких критериях ни Копернику, ни Галилею ничего не светит. «Коллективное мнение»! Если кто-то шагает в ногу, ему дружно помогут исправиться в Святейшем трибунале при очередной «научной» конференции. А поскольку опыт по выявлению врагов у «официальных» уникален, лучшего помощника для Власти не найти.

Печальная судьба нескольких научных (на этот раз без кавычек) направлений тому свидетельство.

Сергей Изриги и «хакеры сновидений». Несколько лет назад могло показаться, что это – одна из самых перспективных групп. Она направила усилия не самое близкое – Сферу сна. Преодолев пеленки «кастанедовщины», Изриги и его единомышленники разработали простую и действенную методику. Исходили они из того, что пространство сна является неким единым измерением. Мы видим во сне одно и то же, лишь «одетое» в разные покровы. Как правило, это некая «страна» с очень сходной «географией». Научившись контролировать свой сон, можно изучить и освоить «страну», наладив контакты для последующего общения. Таким образом, люди получают доступ в Новый мир – мир Гипносферы. Изриги допускал и возможность слияния мира снов с повседневной реальностью, что якобы уже наблюдалось в жизни некоторых «хакеров». Освоение Гипносферы должно было стать лишь началом. «Граничные силы – смерть и знание, – писал Изриги. – За ними находятся пространства, о которых мы не имеем понятия – *пока* не имеем понятия».

«Хакеры» не были первыми на этом пути, но их заслуга состоит в полном отказе от всякой мистики, равно как от использования кастанедовских «кактусов». Более того, они исходили из первичности не догмы, а эксперимента, то есть из абсолютно научных критериев.

Движение «хакеров» быстро приобрело популярность. Однако их открытость, переходящая в откровенную наивность, привела к печальным результатам. Почти сразу же появились подражатели, заведомо профанирующие идею. Группа «дримкиллеров», к примеру, предложила использовать Сферу сна для вульгарных убийств. Зашевелились разного рода «люциферисты» и прочие «тантра-йоги».

Трудно сказать, был ли этот процесс стихийным. В больном обществе такого избежать невозможно, но интенсивность возни вокруг группы Изриги говорит о том, что здесь не обошлось без умелого режиссера.

Чем дальше, тем сообщения «хакеров» становились интереснее и одновременно тревожнее. Появились намеки на присутствие в Гипносфере неких «сил», с которыми можно было

вступить в контакт. Речь шла о чем-то, существующем вне человеческого сознания, то есть о новой самостоятельной реальности. Некоторые из этих «сил» были лояльны к гостям, другие же казались откровенно опасными.

К сожалению, открытие не состоялось. Сергей Изриги погиб, как было сказано, «при невыясненных обстоятельствах». Не он один. Назадолго до смерти Изриги с грустью констатировал: «Мы понесли большие потери». Гибли не только «хакеры», но и результаты их исследований. Сам Изриги считал, что часть документации попала в «чистые руки» компетентных товарищей. Ему тогда не поверили.

Сейчас уцелевшие и постаревшие «хакеры» по прежнему чертят карты Гипносферы, совершенствуют методику, но продвижения вперед нет. Большинство незаметно «сползло» обратно к Кастанеде с его пейотлем и мудрым доном Хуаном.

«Официальная» наука с легким сердцем отнесла «хакеров» к числу обычных сектантов-мистиков и, само собой, наркоманов. Их единомышленники сделали важный вывод: ноосферные исследования обнародовать нецелесообразно. «Публика» должна получать уже готовый результат, сама же работа требует сугубой конспирации.

Timeline QR-90-0

1-3

– Равняйся! Смир-р-рно!.. Вольно!

На юнкеров было приятно смотреть. Видать, соскучились по построениям, по отрывистым командам, делающим жизнь такой простой и понятной. Шахтеры тоже старались, но покойный фельдфебель Федько явно не придавал строевому делу должного значения. Не иначе, считал устаревшим предрассудком.

Отдавать честь красногвардейцы отказывались наотрез. Аргумент, как из советского кино: эту отдадим, где другую взять? А уж как смотрели на тщательные пришитые юнкерские погоны!..

До драк все же не доходило. Хватало ума.

– Внимание! Объясняю обстановку...

Третье построение за день – если, конечно, считать красногвардейскую импровизацию на склоне. Занятие при всей занудности бесполезное. Можно еще раз полюбоваться личным составом, заодно проверив, не успел ли кто дезертировать. Можно и просто убить время, особенно когда «до самых главных дел» не всего лишь час, а половина ночи.

Дезертиров не было. Напротив, в сером вечернем сумраке к нам в овраг-теремок неслышно проскользнули тени. Дюжина парней из разбежавшегося шахтерского отряда нашла наконец своих. Новость порадовала, но не слишком – столь же легко нас могли обнаружить враги. Итак, пополнение и не такое маленькое, но строй все равно оказался не слишком густ. Прибывших взяли в оборот штабс-капитан с Петром Мосиевичем, константиновец Мусин-Пушкин в компании троих здоровяков разбирался с пулеметом, а еще десяток, лично отобранный Хивинским, был занят чем-то очень важным – вместе с самим поручиком. Трое на постах, хотя разглядеть что-то в серой вечерней мгле было мудрено.

Остальные достались мне. Юнкера и примкнувшие к ним кадетики слева, шахтерская гвардия – справа. Так и подмывало отдать приказ: по командам разойдись, гражданскую войну начинай! Нет, лучше без меня! А вот объяснить, почему мы до сих пор не рвем друг другу глотки, пожалуй, стоило.

Поглядел налево, потом направо. В темное безвидное небо можно не смотреть...

– Сегодня утром, 30 ноября 1917 года на станцию Лихачевка прибыл эшелон чинов бывшего 27-го Запасного полка, самовольно покинувших место службы. Численность – около четырехсот человек, штатное вооружение, пулеметы, две «трехдюймовки», но почти без снарядов. Офицеров нет, временным командиром избран унтер-офицер Полупанов...

Зачем прибыл, уточнять не стал. Шахтеры и так знают, а для юнкеров можно не заострять. Мало ли сейчас таких «диких» поездов колесит по России? В Бресте еще только болтают, но «перемирие» вступило в силу.

– ...Вместе с эшелоном прибыла также бронеплощадка с морским орудием Норден-фельда. Экипаж укомплектован матросами Балтийского флота. Командира нет, личный состав злоупотребляет алкоголем и кокаином...

И слава богу, между прочим. Во всяком случае, лупили они, если верить рассказам, без всякого прицела, в белый свет как в копеечку. Авось и дальше мазать станут.

– По прибытии в Лихачевку Полупанов без всякого повода лично застрелил начальника станции и одного из служащих. Командир отряда местной... самообороны попытался всту-

питься, но тоже был убит. Солдаты открыли огонь по зданию станции. Есть жертвы среди мирного населения...

Слушали молча – и юнкера, и шахтеры. А мне вдруг почудилось, что я в знакомой аудитории на десятом этаже с видом на зоопарк и фотографиями морских звезд на стенах. Биологический факультет, тема лекции – «Украина в годы Национально-демократической революции и Гражданской войны». Только читать следовало на «государственном». «Жертвы сэрэд мирного насэлэння...»

Для моих славных биологов, как и для всех их коллег – это древняя история, в одном ряду с нашествием Батыя и Куликовской битвой. Никого уже не осталось. Ушли в Вечность последние «белые», последние «красные», даже те, кто в этом страшном ноябре лежал в колыбели. Живая связь разорвана, Река Времен смывает последние нестойкие следы. Но это для них, для ребят в аудитории с морскими звездами. А для тех, кто сейчас в строю...

Юнкера не удивлялись – уже успели привыкнуть, хотя все началось совсем-совсем недавно. В старых учебниках это «все» именовалось «триумфальным шествием советской власти». Неведомый мне унтер Полупанов действовал вполне в духе «триумфа». Занять населенный пункт, с ходу расстрелять десяток «буржуев», пугнуть до холода в костях всех остальных, дать несколько залпов по незащищенному поселку... Шахтеры, ждавшие подмогу против страшного Чернецова, еще не поняли, что дождались. Подмога громит и грабит, подмога ни в грош не ставит местную «гвардию» – но иной не будет. Потом, много лет спустя, поздний историк обмолвится об «отдельных эксцессах» – или вообще промолчит. А на станции повесят мемориальную доску в честь революционного отряда, установившего самую правильную власть.

Такая она, линия партии, Петр Мосиевич!

– Атакуем под утро, – закончил я. – В бой пойдут только добровольцы. Вопросы?

Вопросов не было. Юнкера переглядывались, улыбались недобро. Кажется, добровольцев можно не вызывать. Ребят оскорбляли, травили, убивали... Наконец-то!

Молча стояли шахтеры. Им тоже все ясно.

Все? Нет, не все.

– Бой будет ночной. Есть риск, что в темноте перестреляем друг друга. Поэтому вопрос: как отличить своих от чужих? Слушаю!

– Юнкер Дрейман, – откинулись с правого фланга. – Нужен пароль! Предлагаю...

Договорить не успел – сначала хихикнули, затем захохотали. На краткий миг смех объединил всех: и тех, кто в погонах, и тех, кто без.

– В письменном виде, – уточнил кто-то. – И пропуска выдать.

– С двумя печатями, – густым басом добавил стоявший прямо передо мной шахтер.

Бедный юнкер Дрейман попытался что-то пояснить, но его не слушали.

– Повязки нужны, – деловито предложили с левого «шахтерского» фланга. – Светлые, чтобы различить. Сбегаем в поселок, принесем пару простыней...

Я поморщился. «Сбегаем»? А кого с собой приведем? Мысль, конечно, правильная...

Белые повязки – не красные. Сами предложили!

– С повязками решим, – подумав, согласился я. – Но вот какая мысль имеется. В сражении требуется своих подбодрить, а врага, напротив, напугать. Для этого служит боевая песня. С ней веселее – и своего сразу узнаешь. Вот вам и пароль, без всякой печати.

Кто-то опять хихикнул, но смеяться не стали. Легкий шепот, шушуканье, недоуменные взгляды.

– А... А чего петь будем?

* * *

Замах – от всех души, со всей пролетарской дури. Громадный кулачина со свистом рассекает холодный воздух, уверенно впечатываясь...

...В пустоту.

Второй кулак уже не столь решительно бьет слева... мимо... мимо... Кулаки вздымаются вверх, словно в приступе праведного классового гнева. Поздно! Подсечка, бросок... Или бросок с подсечкой, вот уж не спец...

Тот, кто пытался нокаутировать воздух – невысокий хмурый здоровяк, морщась, поднимается с земли. Он тоже – явно не спец.

– Не так! – морщится поручик Хивинский. – Господа, я же объяснял!..

Здоровяк-шахтер виновато разводит могучими руками. Остальные лишь вздыхают.

Мешать я не стал, присел рядом, прямо на заросший старой сухой травой бугорок. Хивинский занимался делом. Это вам не песни разучивать!

– У нас будет мало времени, господа, – вероятно, уже не в первый раз повторил поручик. – Стрелять нельзя, сразу набегут, ножом вы не владеете. Но драться-то должны уметь!

– А мы умеем! Умеем!..

Народ у Хивинского подобрался крепкий, один к одному, поручик лично отбирал. Но что-то определенно не клеилось. Шахтеры и сами понимали, поглядывали виновато.

– Вы, господин поручик, деретесь неправильно, – наконец, рассудил кто-то. – Драться – это когда по сопатке. Или в грудь. А ниже пояса – нельзя! Никак нельзя. И лежачего не бить!

Забойщики и крепильщики одобрительно закивали. Ясное дело, драться они умели – стенка на стенку, по престольным праздникам. Или с парнями с соседней шахты. Раззудись плечо, размахнись рука!..

– Мы их и так на куски порвем, без всякого ножа. Вы не волнуйтесь, господин поручик, все сделаем. Форточника бы нам...

Кого?!

Поручик, вероятно, это уже слышавший, повернулся ко мне, вздохнул устало:

– Господин капитан, надеюсь... Думаю, справимся. Поработаем еще, конечно... Но нужен кто-то маленький, ловкий, чтобы лазить уметь.

Мне тут же вспомнилась Гамадрила. Мощный толчок, винтом на 180 градусов, руками – за горизонтальный сук. Можно и за вертикальный. Был бы поблизости зоопарк!..

– Они не идиоты, скорее всего изнутри запрут, но наверху есть лючок, маленький такой. Его закрывать не станут, внутри душно, особенно если печку распалат...

Вникать я не стал, нужно, значит, нужно. Точнее, нужен – маленький и ловкий. Форточник.

– Я за братом схожу, младшим, – предложил было неумеха-здоровяк, но я покачал головой. Красногвардейцы воспринимали войну как-то слишком по-семейному. Он скажет брату, брат дяде, тот – соседу. Унтер Полупанов тоже не идиот, если он забыл о нас, то и напоминать незачем.

– А от, товарищ старший военинструктор, хлопчики у вас есть, – внезапно напомнил один из шахтеров. – Такие смешные, с погонами замалеванными.

Да, есть такие...

– ...Кадет Новицкий! Кадет Гримм!.. Господин капитан, мы... Мы... Мы!..

...Они хорошо стреляют, хорошо бегают, они уже кидали ручную гранату, они могут подтянуться на турнике десять раз, даже двадцать, крутят «солнце», знают систему Баден-Пау-элла, они почти круглые отличники, они проползут, пролезут, все узнают, обо всем расскажут, всех победят...

Мальчики стояли по стойке «смирно» – маленькие, в неудобных, не по росту пальто, не иначе из родительского гардероба, в одинаковых ушастых шапках. На тщательно нарисованных химическим карандашом погонах гордо выделялись буквы «СмК» – «Сумской-Михайловский кадетский». Взгляд... Я не выдержал, отвернулся.

– Да вы не бойтесь, товарищ Кайгородов, – шепнули на ухо. – Подсадим хлопчика, прикроем, если что. Делов-то всего на минуту. А без этого...

Я и сам понимал насчет «без этого» – и многое другое тоже. Четыре десятка взрослых посылают под пули пацана в ушастой шапке. Нет, не четыре десятка – я посылаю. Мой друг Усама, конечно же, одобрит. Что делать, если мир переполнен неверными псами?

– Кадет Новицкий! Кадет Гримм! Никакого героизма от вас не требуется. Задание предстоит простое и скучное. Главное – точное выполнение приказа. Один из вас...

– Я-я-я-а-а!!!

* * *

– А усэ, як нэ круты, втыкається у вопрос про богатых та бидных. От так, господин штабс-капитан! Вийсько служит богатым против бидных, для того його и кормлять.

– Да что вы говорите, господин Шульга? Да неужели? Право слово, вы мне на жизнь глаза открыли, да-с! Сей же час запишусь в... Как бишь это у вас называется? Совдепия-с?

На месте костра – гаснущие угли. Холод достает даже не до костей – до клеточных мембран. Ледяное черное небо совсем близко, только протяни руку. Или встань – и ударься макушкой о стылую твердь.

Руки в карманах. Не то чтобы теплее, но как-то уютнее. Даже нет охоты доставать пачку «Salve».

Ждем.

Приказы отданы, нужное сделано. Осталось лишь дотерпеть. Недолго, считай, самое чуть-чуть. Всего лишь час до самых главных дел...

Нет, не час, меньше.

– От вы, господин Згривец, богатый чи бидный?

– Издеваетесь? Да у меня поместье в Новороссии, три завода на Урале, банк «Лионский кредит», пол Беловежской Пуши и еще этот... Гибралтарский пролив, да-с. Арендовал на предмет взимания пошлин-с.

– И я о том. Сколько поручиком жалования получали? Сорок рубликов?

– Нет, чуть больше. В 1912-м как раз накнули. Повезло-с...

Жечь костры в темноте я запретил. Вдруг у Полупанова часовые глазастые? Разведка уже доложила: пьют-гуляют герои. На станции, прямо в билетном зале, огонь развели, песни горлают, «Интернационал» кокаином заполировывают. Только береженого и Карл Маркс бережет.

Разведчики вернулись, а кто-то ушел. Одна группа к террикону, подальше от чужих глаз, вторая – за полотно «железки», в продутую ветром степь. Ушли Хивинский и командир Жук, ушли маленькие кадетики и дерущиеся по всем правилам крепыши.

Мы пока здесь. «Всего лишь час дают на артобстрел, всего лишь час пехоте передышка...»

– Чув я, песня есть – про бидного прапорщика.

– Точно-с, точно-с. «Нет ни сахара, ни чаю, нет ни пива, ни вина. Вот теперь я понимаю, что я прапора жена...»

– А я от пид землю вдвое зарабатывал. И дом був, и хозяйство, и у синема ходил по воскресеньям, на Веру Холодную смотрел, и у театр, что в Юзовке. И сыну лисапед купил. Не один я такой. Справни робитныкы нэ голодуют, хлеба нэ просять. Так хто богатый и хто бидный? Кому служиты трэба, господин штабс-капитан? Не адвокатам же усяким, не Керенскому!

– Э-э... Эка завернули, Петр Мосиевич! Стало быть, офицерство Суворова, Голенищева-Кутузова должно служить... Нет-нет, нонсенс, мажор, *cauchmar*! Этот ваш, пардон, коммунизм!.. Как же, читывал, читывал. Утопия-с господина Мора!..

Я все-таки встал, легко толкнул фуражкой тяжелое небо, достал негнушимися пальцами коробку папирос, долго искал зажигалку. Спрятался, австриец трофейный, саботирует!..

Щелк!

Я мог бы сказать... Я знал, что такое коммунизм. Настоящий, не от Томаса Мора...

* * *

Он помнил коммунизм. Коммунизм был в детстве, на игровой площадке бесплатного садика, коммунизм был в его школе, где желающие учиться – учились, коммунизм был в светлом небоскребе университета, в археологических экспедициях, в каждом уголке огромной страны, куда можно ездить без всякой визы и без всякого страха, в новых кварталах блочных девятиэтажек и первых цветных телевизорах. Коммунизм был в сообщениях ТАСС о полетах кораблей «Союз», в тревожных сводках с острова Даманский, в коротком коммюнике «О событиях в Чехословакии» и первых афганских репортажах. В очередях за маслом, в номерках на ладонях (химическим карандашом, словно кадетские погоны), в траурном марше на похоронах Брежнева – там тоже был коммунизм, уже умирающий, не замеченный современниками.

Он жил, он видел, он мог рассказать, предостеречь. За четверть века пристойного существования было заплачено душами поколений, убитых и умученных даже не пытались сосчитать. Стоило ли оно того? Другие, не такие решительные и не такие романтические, жили прилично уже многие годы без горькой памяти о Мальчишах-Кибальчишах и корнетах Оболенских. Жили – а его страна весенним айсбергом ушла из-под ног. Один хороший приятель как-то невесело срифмовал: «Обложили меня идиоты всех стран, наверстали границ, налепили охран...»

И вот теперь в его маленьком совершенном Море Река Времен, темная ледяная Лета, поворачивала в очень знакомое русло. Он с легкостью мог бы стать пророком – но кто слушает пророков? Добро должно быть с кулаками, Нострадамусу положен пулемет. Но и это не спасет, слишком много их, самозванных Мишелей де Нотр-Дам с полным боекомплектom и собранием пророчеств. И каждому внимает верный ученик Усама. «Этот мир находится на последнем издыхании, этот мир нуждается в хорошем кровопускании...»

Говорят, что мир спасти очень легко. Говорят... Пулемет под рукой, принцесса, вырванная из пасти дракона, разворот в полете на 180 градусов...

Он не стал ни о чем пророчить. Он... Я... Мне захотелось спросить. Не потому, что я не знал ответ.

* * *

– Скажите, штабс-капитан, вы бы хотели, чтобы в России была восстановлена монархия с одним из Романовых на престоле...

– О-о-о-о!..

– Погодите! Романов на престоле, строгий устав в армии, погоны, городовые на улицах, твердый порядок в стране, защита государственных интересов от тайги до Британских морей – или куда дотянемся. Ну, и само собой, хруст французской булки, конфетки-бараночки, гимназистки румяные снег с каблучков стряхивают?

– Ах, господин Кайгородов! Как вы изволите излагать, как душевно-с!

– А вы, товарищ Шульга, согласились бы, чтобы страной правила партия большевиков – без всяких Учредительных собраний и прочих адвокатишек, землю передали крестьянам,

заводы и шахты – в собственность рабочих коллективов, нерусским народностям дали самоуправление и всерьез занялись бы Мировой революцией?

– От! Я так и думав, що вы, товарищ Кайгородов, твердый партиец.

– А ведь это не слишком трудно совместить. Одно другому никак не мешает. Нет?

– О чем вы, капитан?! Чтобы Государь и эта, пардон, публика-с, вместе?!

– Добре выдумалы, товарищ, добре. Давно так не смеялся, цэ вы вид души! Веселый вы человек!

* * *

Да, я знал ответ – они не знали. Еще не знали. Война начиналась, ее уже не остановить – даже если выписать из Персии джинна в старом медном кувшине. Даже если дать каждому по потребностям. И вопрос уже не в Романовых, не в акционировании предприятий, не в ненавистных каждому солдату погонах...

Ледяной небесный свод давил на плечи, вминал в холодную твердую землю.

Из меня – плохой Атлант.

* * *

К домикам под красными крышами подошли не прячась, в полный рост. Сами крыши, как и дома, и весь поселок, разглядеть в ледяной темноте было практически невозможно. Ночь выручала – в глухой предрассветный час нас никто не ждал. Дозорные, даже если они и были, предпочли спрятаться там, где теплее.

Собственно, час даже не был предрассветным. 1 декабря, первый день зимы, солнце встает лишь в восемь утра – и то для того, чтобы скрыться за плотными облаками. Штабс-капитан дал команду в 3.15 после того, как сверил свой благородный «Буре» с моей дешевкой на серебряной цепочке.

Шли молча, стараясь не сбить дыхание на подъеме. Первые минуты я прикидывал, что делать, если нас все-таки заметят, если начнут стрелять. Потом бросил. Ничего не придумаешь: перебыют на месте. Два десятка, у некоторых нет даже револьвера. Как в страшных байках о 1941-м: добудь винтовку в бою!

Грозный «кольт-браунинг» не мог нам помочь – его взяли с собой те, кто ушел с командиром Жуком. В эту ночь здоровякам из расчета придется потрудиться.

Боя пока не было, мы просто шли. Не спеша поднялись по склону, подождали отставших – молча, стараясь лишний раз не кашлянуть, затем так же тихо двинулись по узкой улочке между темными, утонувшими в холодном сумраке домами. Пару раз залаяла собака – неуверенно, только для порядка. Умолкла. Ее никто не поддержал.

Я уже знал – полупановцы убивали не только людей, безвинным псам тоже досталось. Уцелевших спрятали хозяева. В который раз подумалось, на что рассчитывал бывший унтер, когда приказывал стрелять по поселку. Может, просто привык – к безнаказанности, к праву сильного, к покорности перепуганных насмерть обывателей? К такому привыкаешь быстро, к тому же теперь его банда – не скопище дезертиров, а ударный красновардейский отряд. Небось и денег выдали, и помощь обещали.

Не повезло унтеру. Не на тех нарвался. Впрочем, о таком в штабе Антонова-Овсеевко не могли и помыслить – шахтеры в одном строю с беглыми «золотопогонниками». И были по-своему правы.

Выходит, здесь, на темной глухой улице, Река Времен слегка уклонилась от единственно верного курса?

Станцию я вначале не увидел. Просто удивился, почему остановился на месте шахтер-проводник, зачем поднял руку... И потом не увидел. Тьма впереди казалась особенно густой, только неясные черные пятна, только непонятный силуэт справа – не то заблудившаяся Вавилонская башня, не то...

– ...Водокачка, товарищ Кайгородов. Здание станции левее, там сейчас темно, свет выключили. Там они, гады, и сидят – главные, остальные, понятно, в вагонах. А поезд их прямо перед нами, то черное – вагоны и есть. «Танька» с краю, еще левее, вон там...

– Тихо, раскудрить с пересвистом в хрен-березу, хрен-осину, в хрен-мореный дуб ко всей лесной угрюбищной ядреноматери! Капитан, время – ноль. Если у Хивинского часы не на керосине...

Я кивнул. Время – ноль, часы у поручика идут точно, проверял. Значит, если все по плану, если мы не ошиблись, если я не ошибся...

Секунды бывают очень долгими, пусть даже часы – от лучшего мастера. Время – не пленник тонких стрелок, Время свободно, оно течет своим вечным руслом, меняя скорость по собственному усмотрению. Самый краткий миг может длиться дольше часа, дольше года. Особенно в такую ледяную ночь, особенно если за этим мигом не просто следующий, а Война. Маленькая Вселенная еще не знает, она еще спит, чтобы через секунду прозвенеть колесом по металлическим листам, упасть картонным ящиком с эстакады, заполнить небо бомбами и снарядами, дабы возрадовался мой друг Усама...

Я знаю, что все это – настоящее.

...Хорошо хоть с песней столкнулись. Господа юнкера, само собой, «Журавля» предложили – во всех училищах поют. Только «Журавль» для другого случая, в нем своих поминать положено, по фамилии, званию и должности. Нашему отряду без году неделя, без двенадцати часов – сутки, не придумался еще наш поминальник. А товарищи красногвардейцы из всех строевых только «Рабочую Марсельезу» выучить успели – ту, что на слова то ли Лаврова, то ли Каца. «Мы Марсельезу, гимн стари-и-инный, на новый лад теперь поем!» Спасибо, не надо!

Сам хотел предложить – опередили, считали мысль без всякого сканера. Кажется... Да, конечно, юнкер фон Приц, казначей новоназначенный. То ли и в самом деле телепат, то ли вкусы у нас с ним сходятся. Личный состав вначале очень удивился, но вскоре оценил. Пришлось, правда, некоторые слова перевести, а иные – растолковать.

Ничего, поняли!

Выучили за остаток вечера? Спелись? Скоро узнаем, скоро, очень скоро. Если бы секунды не тянулись так долго, если бы не приходилось торопить тот самый миг, который никак не желает уплывать по Реке Времен, если бы не молчал поручик Михаил Хивинский...

Скорее, скорее, скорее!

Какой бы загиб припас ради такого случая штабс-капитан? Какое бы, разъезди ее тройным перебором через вторичный перегреб, ездолядское хреноастрономическое чудосамогребище помянул? Хивинский, крести тебя в оазис Почаевским, семиосвященным на пятнадцати просвирах, да ответь ты!..

...Точка – тире, точка – тире, точка – тире.

Бронеплощадка!

Ответил.

– Батальо-о-о-он!..

Кричать нужно погромче, голоса не жалея. Не для себя ведь, не для горсти, что уже все слышала, все поняла. Для врага! Для тебя, товарищ Полупанов!

...Точка – тире, точка – тире... Морзянка. Сигнал «начало действия», простой, проще не бывает.

– В атаку-у-у-у!..

Эх, надо было про полк – еще убедительнее. Главное, чтобы услышали, чтобы поняли. Поручик тоже должен узнать: сигнал принят, мы начинаем...

...Точка – тире, точка – тире...

Про Пажеский корпус Михаил Алаярович Хивинский промолчал, а насчет курсов сам признался. В конце 1916-го отзывали его, тогда еще подпоручика, с фронта на курсы по обслуживанию искровых станций. Там и азбуку Морзе выучил. А что делать, если радио нет? Очень просто: короткая очередь – точка, длинная – тире. И погромче, чтоб издали слышно было.

– ...Ма-а-а-арш!

...Точка – тире, точка – тире, тири, тире, тире!

Уже не темно, мрак отступил, попятился. Проснулась «танька», бронеплощадка с морским орудием и черт знает какими пулеметами. Поручик же явно вошел во вкус, сплошные тире, никаких точек. И все по вагонам, по вагонам...

...Где вы там, маленькие кадетики, Гавроши с нарисованными погонами? Что получилось, слышу, а сами-то как? Поручик клялся и божился, что присмотрит, прикроет...

Справа тоже услышали, свои тире шлют – прямо с вершины Вавилонской башни. Не из черт-чего, из знакомого «кольта»-«картофелекопателя». Втащили-таки на водокачку, пристроили! Константиновец Мусин-Пушкин лично обещал расстараться.

Точка! Тире! Точка! Тире! Тире!

...По вагонам, где дрыхнут усталые от грабежей дезертиры – насквозь, чтобы дерево в щепки. По станции, где спрятался штаб унтера Полупанова. Кирпичных стен не пробить, но самых смелых, кто проснулся и попытался выбежать, сметет начисто.

А ты, Полупанов, жди. Уже скоро.

Точка, тире, точка, тире, тире, тире. Слева и справа. Мы – посередине. Пора? Пора!

– Песню-ю-ю!.. Запе-е-е...

Кажется, сорвал голос – заходя, не спев и строки. Ничего, остальные помогут. Давай, Филибер, давай, приятель! Пой, забавляйся, здесь, в Алжире, в моей маленькой Вселенной, словно в снах, словно в виртуальной реальности...

– Пой, забавляйся, приятель Филибер,
Здесь, в Алжире, словно в снах,
Темные люди, похожи на химер,
В ярких фесках и чалмах.
В душном трактире невольно загрустишь
Над письмом любимой той.
Сердце забьется, и вспомнишь ты Париж
И напев страны родной...

«Красная площадь», старый боевик – про таких же точно дезертиров, как те, что умирают сейчас под перекрестными «тире». Киношным повезло больше, перековались в бойцов Рабоче-Крестьянской, успели. Там и пели забытую песню. Не всю, только один куплет. И то странно, что разрешили. Автор в лагерях сгинул, и слова какие-то непролетарские...

– В путь, в путь, кончен день забав,
В поход пора.
Целься в грудь, маленький зуав,
Кричи «ура»!
Много дней, веря в чудеса,
Сюзанна ждет.
У ней синие глаза

И алый рот.

И снова слышали, и снова отзывались. Не мы – весь поселок. Слева, справа, сзади – «Ура!». Громовое, страшное, до самого неба, чтобы оттуда – эхом. Послушать – не батальон Лихачевку берет, полк. Усатый дед Шульга предложил гонцов по всем дворам разослать, чтобы вышли на улицу, чтобы «Ура!» во всю глотку, чтобы до костей пробрало несостоявшихся бойцов РККА.

И опять эхо. Знакомое такое.

– В плясках звенящих запястьями гетер,
В зное смуглой красоты
Ты позабудешь, приятель Филибер,
Все, что раньше помнил ты.
За поцелуи заплатишь ты вином,
И, от страсти побледнев,
Ты не услышишь, как где-то за окном
Прозвучит родной напев...

Это – справа, за Вавилонской башней водокачки. Командир Максим Жук ведет своих земляков. Обещал, что еще полсотни соберет, с оружием, со всей выкладкой. Запасливый они народ, шахтеры!

– В путь, в путь, кончен день забав,
В поход пора.
Целься в грудь, маленький зуав,
Кричи «ура»!..

«Маузер» модели 1910 года давно в руке, но стрелять еще не по кому. Темнота исчезла, однако неверные вспышки выстрелов не дают разглядеть цели. Нет их, целей! Большинство в вагонах, наверняка лежат пластом, дергаясь под падающей со всех сторон древесной трухой. Те, что на станции, за каменными стенами, пытаются огрызаться, но нас им пока не видно, лупить же по стальной «таньке» себе дороже. На улицу не выскочишь, с водокачки здание как на ладони.

И куда выскакивать? «Ура!» со всех сторон, не жалеют глоток товарищи шахтеры. Собаки тоже стараются, насиделись, бедные, взаперти. Одна у Полупанова надежда – сунемся мы дуриком к станционному входу, к запертой двери, там нас и встретить можно будет. Поди, и пулеметы унтер припас, и гранаты. И телеграф цел, наверняка уже вовсю стучит, подмогу кличет.

Пора ставить точку. Сейчас, еще до рассвета, пока не опомнились, не дождались помощи от Антонова... Впереди перрон, выбитое осколками асфальтовое покрытие, но мы не спешим, нельзя, сначала нужна точка, точка, точка!..

Я поглядел в сторону черного силуэта бронеплощадки, вновь вспомнил Хивинского...
...И небо рухнуло.

– Смуглая кожа, гортанный звук речей
Промелькнуть во сне спешат.
Ласки Фатимы, и блеск ее очей,
И внезапный взмах ножа...

Упасть не упал, просто сел на холодную землю. Песня теперь звучала еле слышно, шепотом, пробиваясь через звонкие удары пульса. А где-то сбоку уже гремело, шипело, взрывалось, пахло горелым металлом.

Точка!.. «И покроется небо квадратами, ромбами, и наполнится небо снарядами, бомбами...»

Морское капонирное 57-миллиметровое орудие Норденфельда выстрелило снова, и я помотал головой, вытряхивая из ушей тугие пробки. Справились-таки с пушкой, разобрались!

...И меня глушанули заодно!

– В темном подвале рассвет уныл и сер,
Все забыто – боль и гнев.
Больше не слышит приятель Филибер,
Как звучит родной напев...

Не без труда заставил себя встать, покачнулся, поглядел налево, где только что оплевывался огнем полупановский штаб. Еще один выстрел, желтое пламя разрыва вырвалось через ошметья крыши... Достаточно, поручик, спеклись «дизиртирчегии»!

Из горящего здания шагнул на крыльцо живой человек – в распоясанной гимнастерке и кальсонах. Босой. Поднял руки, что-то закричал... Поздно! Вавилонская башня плюнула свинцом, сдувая человека с земной тверди.

«Хватит, – прошептал я, понимая, что меня никто не услышит, никто не послушает. – Хватит, хватит, хватит!..»

Лабораторный журнал № 4

12 марта
Запись четвертая

Сегодня хотел разобрать библиотеку. Все уже договорено, наша Центральная Научная согласна хранить книги отдельным фондом, даже присвоить ему соответствующее имя. Суета сует! Просто не хотелось, чтобы книги попали неизвестно в чьи руки – и хорошо, если в руки. История, социология и философия – не женский роман и не детектив, тут уже макулатурой пахнет. В лучшем случае – несколько картонных ящиков на книжном базаре, в которых рожется чьи-то не слишком мытые пальцы. Пятна на обложках, надорванные страницы... «За пять гривен отдадите?»

Нет!

Подошел к первому шкафу, открыл дверцу, вынул два первых ряда – и понял, что не смогу. Пока книги со мной, иллюзия нормальной жизни сохраняется. Смотреть на пустые полки, бояться даже подойти к разоренным шкафам... В общем, не хватило характера. Подождут в Центральной Научной, не так долго осталось.

Между прочим, за вторым рядом нашел нечто совершенно раритетное – собственную курсовую. 1977 год, второй курс. Сейчас уже забылось, но в свое время из-за нее чуть было не вылетел из университета. Сам, конечно, виноват. Тему дали совершенно отфонарную: борьба с контрреволюцией на востоке страны. Красная армия всех сильнее, взвейся-развейся, и на Тихом океане... Зато с научным руководителем повезло. По его совету я оставил «взвейся-развейся» во введении, саму же работу посвятил атаману Александру Петровичу Кайгородову.

Естественно, даже второкурсник в 1977 году понимал, что о подьесауле Кайгородове, резавшем большевиков на моем родном Алтае, курсовые не пишутся. Зато можно было вволю исследовать «героическую борьбу» частей Особого назначения Сибирского округа с «белыми бандитами». Среди прочего приходилось писать и о «бандитах» – против всякого моего комсомольского желания, само собой.

Найденную курсовую я даже не стал брать в руки, но (хитрая штука – память!) вижу сейчас каждую страницу, даже примечания. В тот далекий год более всего меня поразила строчка в наградном листе: «автоматчик второго эскадрона Рагулин Захар Иванович». Так и представилось: зима 1921-го, алтайская глушь – и чубатый парень с «ППШ» наперевес. Само собой, Рагулин Захар Иванович был обычным пулеметчиком, прославившимся тем, что лично отрубил голову белому бандиту Кайгородову. Одни говорили, уже мертвому, другие – совсем наоборот.

Отрубленная голова атамана и стала причиной моих неприятностей. Даже ссылка на архивное «дело» не помогла. Как изящно выразился один доцент на защите: «Курсовая написана про вендетту двух банд, одинаково омерзительных». И до сей поры я с ним совершенно согласен.

Перезащититься все-таки разрешили, само собой, без отрубленной головы в тексте. Я махнул рукой и согласился, тем более решался вопрос о переезде из Барнаула в далекий и почти незнакомый Харьков. В тамошнем университете совсем не жаждали видеть новичка с «хвостом». Героизм и «взвейся-развейся» оставил, «белых бандитов» выбросил. Усатый Кайгородов с чудом переснятой фотографии смотрел хмуро. Я не реагировал: не та личность, дабы из-за нее жизнь портить. Вендетта двух банд...

Курсовая осталась, где и была. Книги вернул на место.

Странно или нет, но личная «незавершенка» не вызывает и тени подобных эмоций. Две незаконченные монографии, «скелеты» нескольких статей, неотправленные на конференцию в Варшаве тезисы... Даже удивился – как же так? Всю жизнь считал себя ученым, гордился этим, нос к потолку драл. То и дело приходит на ум пренеприятнейшая мысль: я уже все сделал. Не в жизни, не «вообще», а на той узкой ниве, которую честно обрабатывал последние тридцать лет.

Поправка: мысль вовсе не так и плоха (в обычных условиях). Приходилось слышать, что многие, завершив свою «ниву», переходили к следующей – и тоже преуспевали. Если впереди еще лет тридцать или хотя бы двадцать пять...

Насколько я понял, именно к таким выводам пришел Первый. Вначале записи полны азарта, Q-реальность для него – прежде всего объект Познания. Побывать, пожить, увидеть, набраться впечатлений... Он – не историк, но явно хотел им стать, пусть даже и в Q-измерении. Но ближе к финалу азарт исчезает. Первый начинает вспоминать, что именно не сделано, не закончено, не доведено до ума. Чем это завершится, кажется, догадываюсь. Q-реальность возможна только в трех вариантах. Первому проще выбрать самый простой.

Читая Журнал № 1, наткнулся на интересную мысль. Первый, будучи знатоком литературы, предположил, что Джек Саргати, работая над Q-чипом, вдохновлялся вполне конкретным фантастическим произведением. На такое не стоило бы и внимания обращать, но, вспомнив всем известную экстравагантность мистера Саргати, я решил вникнуть. Выходные данные Первый сообщил, а трудого-Интернет в минуту выдал искомое.

Итак, Альфред Бестер (первый раз слышу!), рассказ «Феномен исчезновения».

На первый взгляд ничего особенного, типичная «старая» фантастика. Америка ведет очередную мировую войну, некий Генерал браво этой войной руководит. Но – вот незадача! – в некоем госпитале происходят странные вещи. Точнее, в одной из его палат – палате-Т.

«– Я не знаю, как объяснить вам это. Я... Мы запираем их, потому что тут какая-то тайна. Они... Ну, в общем, они исчезают.

– Чего-чего?..

– Исчезают, сэр. Пропадают. Прямо на глазах.

– Что за бред!

– Но это так, сэр. Смотришь, сидят на койках или стоят поблизости. Проходит какая-то минута – и их уже нет. Иногда в палате-Т их две дюжины. Иногда – ни одного. То исчезают, то появляются – ни с того ни с сего. Поэтому-то мы и держим палату под замком, генерал. За всю историю военной медицины такого еще не бывало. Мы не знаем, как быть.

– А ну, подать мне троих таких пациентов!»

Между тем с самими пациентами творится невесть что. К примеру:

«Джордж Хэнмер сделал драматическую паузу и скользнул взглядом по скамьям оппозиции, по спикеру, по серебряному молотку на бархатной подушке перед спикером. Весь парламент, загипнотизированный страстной речью Хэнмера, затаив дыхание ожидал его дальнейших слов.

– Мне больше нечего добавить, – произнес наконец Хэнмер. Голос его дрогнул. Лицо было бледным и суровым. – Я буду сражаться за этот билль в городах, в полях и деревнях. Я буду сражаться за этот билль до смерти, а если бог допустит, то и после смерти. Вызов это или мольба, пусть решает совесть благородных джентльменов, но в одном я решителен и непреклонен: Суэцкий канал должен принадлежать Англии...

Почему-то вдруг он почувствовал тягу вернуться, взглянуть на все в последний раз. Возможно, потому, что ему не хотелось окончательно порывать с прошлым. Он снял сюртук, нан-

ковый жилет, крапчатые брюки, лоснящиеся ботфорты и шелковое белье. Затем надел серую рубашку, серые брюки и исчез.

Объявился он в палате-Т Сент-Олбанского госпиталя, где тут же получил свои полтора кубика тиоморфата натрия.

– Вот и третий, – сказал кто-то».

Для совсем не понимающих автор терпеливо разжевывает: странные пациенты уходят не в Прошлое и не в «параллельную реальность», а в ими же придуманные миры. Там полно исторических несообразностей, но обитатели палаты-Т желают существовать именно в таких «неправильных» Вселенных. Впрочем, у кого-нибудь из этой компании (бывшего историка, допустим), его собственный мир мог быть и вполне хрестоматийным. В любом случае хитрюги из палаты-Т изобрели-таки «фанерный ероплан».

Авторское резюме (устаами одного из героев) таково:

«Они отправляются в придуманное ими время... Эту концепцию почти невозможно осознать. Эти люди открыли, как превращать мечту в реальность. Они знают, как проникнуть в мир воплотившейся мечты. Они могут жить там. Господи, вот она, ваша Американская Мечта! Это чудо, бессмертие, почти божественный акт творения... Этим непременно нужно овладеть. Это необходимо изучить. Об этом надо сказать всему миру».

В довершение всего пациенты палаты-Т числятся в госпитале по «разряду Q».

Если Первый и не угадал, совпадение все равно впечатляет. При Q-исследованиях мы не исчезаем телесно из этого мира, и «мир воплотившейся мечты» – пока еще дело будущего, но... Но Джек Саргати, кажется, и в самом деле читал неведомого мне фантаста Бестера.

Q-исследования: результаты и перспективы

3. Основные направления: современное состояние (продолжение).

В отличие от «хакеров сновидений» последователи Джимми-Джона (Джеймса Гранта) подошли к освоению Гипносферы совершенно с иных позиций. В теоретическом плане они сразу же отвергли возможность «цивилизовать» сферу обычного сна. Для них естественный сон – неуправляемое буйство подсознания, «океан Оно». Свою задачу они видели в постройке своеобразных «платформ» над этим океаном, то есть создание искусственной Сферы сновидений. Если Сергей Изриги пытался использовать индивидуальную методику самостоятельной деятельности во сне, основанную в значительной мере на приемах из арсенала Кастанеды (что сейчас признается серьезной ошибкой), то Джимми-Джон разработал простые, но эффективные методы «программирования сна» с использованием прямого воздействия на зрение.

Следует отметить, что Джимми-Джон (Джеймс Грант) имел возможность опереться на опыт работы своего института, много лет занимавшегося вопросами контроля над сознанием человека в рамках одной из программ Совета США по глобальной стратегии (U.S. Global Strategy Council – USGSC). Это в свою очередь делало его замысел очень уязвимым, поскольку коллеги и руководство смогли осуществить эффективную слежку за ним самим и его исследованиями.

Первоначально Джимми-Джон и его коллеги занимались созданием «файлов сна» – визуальных изображений, провоцирующих «сон по заказу». Безопасность и высокая эффективность методики (а также распространение файлов практически бесплатно через Сеть) сразу же сделали ее весьма популярной. Руководство института, где работал Грант, не препятствовало этому, поскольку считало такую кампанию полезной перед появлением на рынке так называемых «машин сновидений», первая из которых поступила в продажу в 2004 году (образец «Dream Workshop», фирма «Takara»).

Следующим шагом Джимми-Джона (не согласованным с коллегами и начальством) стало создание и распространение «файлов связи», позволяющих двум и более участникам общаться в сфере искусственного сна. Велась также работа по созданию «индивидуальных» файлов для отдельных заказчиков. Гипносфера становилась крупным коммерческим проектом. Для самого Джимми-Джона, однако, все это было приступом к основной части работы: созданию «вечной» реальности в Гипносфере, которая позволяла бы находиться в ней без ограничения срока, в том числе и после смерти на «нашей» Земле. По непроверенным данным, некоторые эксперименты оказались успешными.

Тяжелая болезнь Джимми-Джона остановила работы. Руководство института с подачи USGSC полностью засекретило их результаты. В настоящее время небольшая группа исследователей Гипносферы продолжает освоение уже созданных «платформ», но в целом проект можно считать закрытым.

По некоторым данным, «болезнь» Джеймса Гранта была результатом несчастного случая во время одного из экспериментов по созданию «вечной» реальности. Слухи о его самоубийстве не подтверждаются.

Timeline QR-90-0

1-4

Ему хорошо думалось. Спокойно. Мир никуда не делся, он был рядом, столь же совершенный-несовершенный, но между ним и его личной реальностью словно легло стекло – абсолютно прозрачное и абсолютно прочное, не пробиваемое даже для пуль «картофелекопателя»-«кольта». Можно было удивиться – он не удивлялся. «Защитка», его невидимая броня, спасала не только от случайных осколков, но и от ненужных эмоций. По крайней мере на «статии шлема», когда психика все еще пыталась приспособиться – и защититься от всего ненужного и опасного. Страшный сон о расстрелянных в упор и сгоревших заживо был отдельно, он – тоже отдельно, за уютным и таким надежным стеклом. «Он сладко спал, он спал невозмутимо под тишиной Эдемской синевы...» И пусть вместо синевы над миром вставал серый бессолнечный день, точно такой же, как уже ушедший в Вечность, это ничуть не огорчало. Сон позволяет выбирать, канализировать эмоции, оставляя лишь нужные и приятные. «Во сне он видел печи Освенцима и трупами наполненные рвы...» Но это был лишь сон, искусственная реальность, набросанная карандашом на холсте. «Осенние ливни и грозы майские, холодные луны и солнце палящее – я знаю, что все это – ненастоящее...» А если так, то не стоит и волноваться. Можно радоваться новому дню, ночной победе – и тому, что уцелели маленькие кадетики, а в отряде никто не погиб и не ранен. Можно даже сочувствовать – но не рвать сердце.

Ему было искренне жаль красного командира Максима Жука, плакавшего над телом убитого брата, он пожимал руки вдовам, уже успевшим надеть черные платки, нашлась даже минута, чтобы пожалеть врагов. Ежели отбросить пустые заклинания о «классовой борьбе», он разгромил обычный дембельский поезд, набитый озверевшими от трехлетней войны парнями. Если он их не пожалеет, хотя бы украдкой, больше жалеть их будет некому – ни мертвых, ни пока еще живых... «И я сочувствую слегка погибшим – но издалека». Сердце не болело, да и некогда ему было болеть. Поражение – сирота, у победы куча отцов. С каждым следовало поговорить, поздравить, помочь разобраться. Стекло не мешало, напротив, позволяло видеть главное – четко и ясно. Он был спокоен. Я...

Я был спокоен.

* * *

– Хрен им моржовый, а не бронеплощадка, – нахмурился штабс-капитан Згривец. – Заметили, Кайгородов, как посматривают господа про-ле-та-рии? Не отдам-с! И пушки не отдам. Хоть и без снарядов, а все одно – опасно. Завтра им огнеприпасов подбросят, и по нам же лупанут. Хрен-с!

Хотелось спросить фольклориста, что он собирается делать со всем этим добром, но я понял: вопрос излишен. Штабс-капитан Згривец всерьез собрался воевать. То ли понравилось, то ли все никак не мог остановиться.

– Винтовок много? – без всякой нужды поинтересовался я, в который раз глядя на разбитые вагоны. Маневровый паровоз, деловито сопя, уже подбирался к крайнему. Станционные рабочие взялись за дело даже без напоминания. Жизнь продолжалась.

– Изрядно, – кивнул Згривец, тоже поглядев на следы побоища. – И все наши. Ну, пусть не все, но половина – нам-с. Разбойников, считай, с четыре сотни было. Третью разбежалась,

полсотни ухлопали, остальные в сараях скучают. Вот их товарищам шахтерам и отдадим, пускай к потолку подвешивают и пятки прижигают-с. А уж винтовочки...

Гора оружия лежала прямо на перроне. Только пулеметы оттащили подальше и револьверы разобрали на сувениры. Пушки, обычные трехдюймовки, стояли на платформах в голове разгромленного поезда. Пользы от них было мало – и не только из-за отсутствия снарядов. Слишком мал наш отряд, да и не разбежится ли он уже к вечеру?

– Бронеплощадку отдавать жалко, – рассудил я. – Она – наш «фанерный ероплан». Сядем – и улетим отсюда подальше к какой-то матери. С салютом наций, если понадобится.

Фольклорист хмыкнул – сравнение явно пришлось по душе.

Телеграф работал – уцелел вместе с перепуганным до икоты, но живым телеграфистом. Аппарат стучал с самого утра, выплевывая бесконечную белую ленту с точками и тире. С севера, со станции Должанской, посылал запросы штаб Антонова, успевший получить «SOS» от полупановцев и теперь терявшийся в догадках. На юге, на станции со странным названием Несветай, объявился со своим отрядом страшный Чернецов, которому тоже было интересно, что происходит в Лихачевке. И тем и другим я велел отстучать пламенный привет с обещанием подробного доклада в ближайшее же время. Но пока это время не наступило, я и сам еще толком не разобрался. Да и стоило ли выяснять все до мелочей? Бронеплощадка-«ероплан» уже прицеплена к новенькому паровозу вместе с относительно целым вагоном второго класса. Места хватит для всех...

...Для всех, кто в погонах. Шахтерам ехать некуда, да они и не собираются. Разобрали трофейные винтовки, наскоро выбрали новых командиров. В отряде теперь больше сотни, а добровольцы все прибывали. «Партячейка» Петр Мосиевич осваивал опустевшее кресло председателя местного Совета, готовились торжественные революционные похороны «жертв бандитского террора», местный художник-энтузиаст даже набросила эскиз будущего монумента.

Рисунок (футуристический квадратный рабочий с развернутым знаменем на постаменте-глыбе) был мне предъявлен вместе с вежливым вопросом. Нет, нам не предлагали убраться к помянутой матери из Лихачевки, но «разъяснить» ситуацию определенно требовалось.

* * *

– Медаль за мной, – пообещал я, протягивая руку Хивинскому. – В следующий раз, когда захватим монетный двор, не забудьте напомнить.

Пальцы болели – только что довелось обменяться рукопожатиями со всей диверсионной группой. Шахтеры отвечали искренно, от души. Эти пока не думали о «разъяснении» нелепейшего по нынешним временам золотопогонно-пролетарского союза. Они просто радовались. Еще бы! Бронеплощадка, три пулемета, пушка! Ни раненых, ни убитых, обошлись лишь царапинами и шумом в ушах. Не одного меня оглушило изделие Норденфелда!

Трупы в окровавленных бушлатах унесли (не повезло матросикам!), и неровный строй парней в пальто и полушубках, увешанных трофейным оружием, так и просился на обложку «Нивы». Поручик тоже был хорош. На плечах горели новенькие погоны, а у пояса появилась пашка. Оружием я никогда не увлекался, но сразу было ясно: Хивинский отыскал среди трофеев что-то особенное. Серебряная чернь эфеса, темные узкие ножны...

Джигит!

Тех, кто занял Вавилонскую башню, втащив туда «картофелекопатель», я уже поздравил. Тех, кто под командованием португеза Иловайского помогал Максиму Жуку, тоже. Здесь вроде все... Нет, не все, как же я мог забыть?

– Кадет Новицкий! Кадет Гримм!

– Я-а-а!

Маленькие Гавроши улыбались во весь рот, морщили носы. Про них мне уже рассказали. На стальную крышу полезли оба, Гримм спускался в люк, Новицкий помогал. Повезло ребятам – вповалку спала пьяная матросня, даже на скрежет стального засова не отреагировала.

И нам всем повезло. И мне – не будут мальчишки в страшных снах являться. Живые!

– Кадеты! За проявленное мужество перед лицом опасного и вооруженного до зубов врага объявляю вам благодарность и награждаю...

Господи, чем?! Пистолет не отдам, еще начнут в Вильгельма Телля играть!

– ...Именными часами с гравировкой. Гравировку сделаем позже, а пока – носить по очереди согласно алфавиту. Держите, кадет Гримм!

Маленькая ручонка крепко ухватила посеребренную «луковицу». Извините, ребята, в следующий раз найду швейцарские.

– Служим... Служим...

– России и трудовому народу, – улыбнувшись, подсказал я, на ходу подбирая нечто наиболее политкорректное.

– России и трудовому народу!!!

Часы были уже возле уха кадета-героя Гримма. Кадет Новицкий тоже не удержался, потянулся послушать. Тикают, ребята, тикают! Кто сказал, что на войне не выпадает счастливая минута?

Можно было идти, но что-то удержало. Я вновь поглядел на крепких парней, стоявших у побежденной ими «таньки». Эти – лучшие, Хивинский лично отбирал. Сейчас они улыбаются, мы еще все вместе: «кадеты» с ударением на «а» – и будущие бойцы Антонова и Ворошилова. Жаль таких отдавать! А если не отдавать?

– Товарищи, – начал я, пытаюсь найти нужные слова. – Агитировать не буду, но главное вы уже знаете. Для вас – для нас всех! – началась война. Вы – не спрячетесь. Каждая сторона будет утверждать, что защищает народ и правое дело. Но вы уже поняли: на войне каждый защищает прежде всего самого себя. Завтра вас мобилизует Антонов-Овсенко, и вы пойдете убивать тех, кого вам прикажут. И умирать за то, что никогда не увидите...

На миг я замолчал, переводя дыхание. Слушают? Слушают! Недоверчиво, хмурясь – но слушают.

– Сейчас мы – отряд, у нас оружие, мы – крепкий орех, не разгрызть. Предлагаю остаться с нами. Начнем с перехвата банд, таких, как та, что мы вчера разгромили. А разбираться с теоретическими вопросами станем по мере их поступления – и оставаясь в живых. Этого Антонов может и не простить!..

Я кивнул на бронеплощадку. Нет, не простит большевистский главком! Не только ее: убит – разорван в клочья – бывший унтер Полупанов, погиб почти весь его штаб. Но не это даже главное. Случилось то, чему не было места в Истории: шахтеры Каменноугольного бассейна выступили против большевиков. Река Времен дрогнула, покрылась рябью, обозначая новое русло...

Молчали – долго, тяжело. Наконец кто-то хныкнул:

– В Зуавы зовете, товарищ?

Зуавы?! Ну, конечно, они тоже слышали песню.

– Почему бы и нет? – улыбнулся. – Зуавы – маленький, но гордый народ, лупивший в хвост и гриву французских интервентов. Так лупивший, что французы в его честь называли свои отборные войска. Мы будем не хуже!..

«Целься в грудь, маленький зуав, кричи «ура»!..» А что, хорошая песня!

Вновь молчание. Переглядываются, смотрят по сторонам, без особой нужды поправляют оружие...

– Подумаем, товарищ Кайгородов. Посоветуемся... Но... Мы не хотим воевать против народа! Офицеры – они, сами знаете!..

Я покосился на невозмутимого Хивинского. Тот дернул плечом под золотым погоном, еле заметно скривился. Крепко усвоили политграмоту товарищи шахтеры! Если офицер, значит...

– Спросим! – рубанул я. – Вот перед нами два ваших товарища, два будущих офицера... Два маленьких Зуава... Кадет Новицкий! Кадет Гримм! Вы собираетесь воевать против народа?

– Не-е-ет!!!

* * *

– Портупей-юнкер Иловайский!

– Я!

– Вам – задание. Срочное и, возможно, опасное. Для начала отберите десяток юнкеров, самых надежных. Затем... На путях стоят две платформы с орудиями. Возьмете маневровый паровоз, уговорите машиниста – и перегоните их на станцию Несветай. Штабс-капитана Згривца не слушайте, сошлитесь на мой приказ. Станция недалеко, за час управитесь. Там отряд есаула Чернецова. Орудия сдадите ему под расписку – и тут же возвращайтесь. Вопросы?

– Все ясно, господин капитан. Только... На чье имя расписку писать? Капитана Кайгородова?

– Будем скромнее, портупей. Если мы – Зуавы, то расписка должна быть на имя капитана...

– Филибера?

– Именно. Капитана Филибера. Все, портупей, в путь, кончен день забав, в поход пора!..

* * *

– Юнкер фон Приц! Не ходите за мной бледной тенью, я вас вижу, давно заметил, но времени нет и... Вас Сергеем зовут, правильно? Сергей, большое спасибо за идею, с песней вы определенно угадали. Спасибо!..

– Господин капитан! Я не из-за... То есть, пожалуйста, всегда рад, но... Ваше благородие, опись! Деньги, что в «сидоре» лежали. Еще часы и два кольца, они были в тряпку завернуты. Вот опись, я все...

– Ох, Сергей, нашли время!.. Потом, потом... Это... Это у вас почерк такой?

– А что? Я могу тремя разными почеркам писать, а еще шрифты знаю, у меня по черчению высший балл... Ваше благородие! Я же стрелок, я вице...

– Принц, вы пропали. И даже попали. Это я вам вполне официально говорю. Итак, блокнот, карандаши, лезвие, чтоб острыми были... И не спорьте! Если бы вы могли мощным толчком бросить тело вверх, ухватиться руками за горизонтальный сук в трех метрах от земли и еще винтом на 180 градусов...

* * *

Плачущую женщину в черном платке увели под руки двое шахтеров-«гвардейцев» – бережно, успокаивая, что-то шепча на ухо. Только как успокоишь? Ее сын лежит под красным кумачом рядом с мертвыми товарищами совсем близко отсюда, за дымящимся остовом станционного здания. Девятнадцать убитых, семеро погибли безоружными, две женщины, ребенок... По всей Лихачевке сколачивают гробы.

Еще дюжину трупов нашли прямо за путями, в маленьком овражке. Пассажиры с поезда – с нашего поезда. Не рискнули прыгнуть, понадеялись на судьбу.

...И еще один солдатик – где-то там, у насыпи. Тоже не вписался.

– Вяжите гада! – еле слышно белыми губами шепчет командир Максим Жук. – Вяжите!

Приказ не нужен. «Гвардейцы» крутят руки мордато-босоногому парню, которого опознала несчастная мать. Убивал... И он, и десяток других, тоже опознанных и связанных. Главных виновников уже нет, их обгорелые трупы сгрузили на повозки, пугая до белой пены несчастных лошадей, чтобы выкинуть, словно падаль, среди мерзлой степи. Не быть тебе, Полупанов, красным комбригом, не дожить до 1937-го!

Но и среди мелкой шушеры остались убийцы. Ничего, всех опознают, каждого разъясят!

За станцией, среди желтой мертвой травы – длинная шеренга бывших солдат 27-го запасного. Без шинелей, без сапог, кое с кого гимнастерки содрали. Тихо стоят, тихо ждут. Со всех сторон – «гвардейцы» с «мосинками» наперевес, по флангам – трофейные «максимы». Не забудишь, не загорланишь! Двое попытались – и теперь светят босыми пятками, в серые тучи, не мигая, глядят.

Руководствуясь революционной законностью, товарищи! Приведите сюда Сергея Ковалева вместе со всей «Amnesty International», пусть возражат, пусть защитят свои гребаные human rights!

– Мать попа требует, – так же негромко, сдавленно говорит командир. – Ваньку чтоб отпевать. Плачет, кричит. А он же не верил, Ванька, брат мой, он же за коммунию был!

– Йды, Максим. До дому йды, до матери! – «Партячейка» Петр Мосиевич берет парня за плечи, чуть встряхивает. – Говорю: йды! Сами тут... разбэрэмося.

Я киваю. «Разбэрэмося». В лучшем виде.

Еще три женщины и тоже в черных платках. Обходят строй, в лица глядят, в глаза. Большинство стоит ровно, не дыша, кое-кто не выдерживает, отшатывается.

– Этот, этот! Соседа нашего застрелил, нелюдь!..

Переглядываются шахтеры, усмеваются недобро. Еще один, значит.

– Вяжи убивца, товарищи!

Не позвали сюда господ офицеров, и юнкеров не позвали. Нечего «кадетам» встречать, когда свои со своими разъяняются. У вас, «кадеты», своя война, барская – а у нас своя, пролетарская. Горняцкая, ятить их перебабушку во седьмую лаву через пятнадцатый штрек!

Понимаю – не выдержат шахтеры. Еще немного – и покосят всех пулеметами. Без разбора, без выбора.

– Товарищ Шульга! Нельзя расстреливать, не простит Антонов. Сожжет Лихачевку, никого в живых не оставит. Пусть убираются к черту! Дайте очередь над головами, пусть в степь бегут. Доберутся куда-нибудь – их счастье. Нельзя расстреливать, нельзя!

– Ой, товарищ Кайгородов, сам розумию. Зараз прикажу убийц обратно увести, про остальных так и быть, подумаем... А тех, хто вбивыв, все одно придется порешить, потому как не люди воны. Ничего, тыхо зробымо, помните, я про старую шахту говорыв? Рты позатыкаемо, на телегах под рядном отвезем... Спросят если, мы и знаты ничего не знаем и видаты не видаемо...

Спокойна речь партийного товарища Шульги Петра Мосиевича. Понимаю – ничего не изменить. Свяжут, избыют напоследок от всей шахтерской души, сбросят в черный холодный ад. Может, и гранат вслед накидают для верности.

– Алапаевск...

Само собой вырвалось, но услышал дед-«партячейка». Покосился недоуменно:

– Цэ на Урали? Там шахты неглубокие, нэзручно. Ничего, пристроим иродов...

Уводят убийц – кого волокут, кому штыками идти помогают. Остальных сгоняют в кучу, прикладами трамбуют для компактности. В ответ – вой до самых серых небес. Не хотят умирать дезертиры, не для того офицеров на части рвали и поезда захватывали. Обидно! Почти до самого дома добрались с бараклом награбленным, еще чуток – и на печку к теплой бабе,

как и обещано, как в «Декрете о мире» прописано. Всего и дело-то: калединцев с «кадетами» погромить и пострелять, добычу в узлы связать...

Такая, понимаешь, непруха!

– Петр Мосиевич, отпустите их! – повторил я уже во весь голос. – Пусть идут куда хотят. Не их мне жалко, поймите!..

Тяжело вздохнул партийный дед, даже глаза закрыл. Не иначе, Алапаевск представил – на всех сразу, чтобы шахта доверху. Задумался, усы седые огладил:

– То быть по-вашему, товарищ Кайгородов. Говорите, хай в степь бегут? Ну, хай бегут, тильки лишнее оставят. А мы кулеметами пособим – чтоб резвее бежала ця наволочь.

Шагнул вперед шахтер Шульга. Попятились бывшие солдаты 27-го запасного, почуяли.

– Кулеметы – цельсь!

Замерло все. Усмехнулся Петр Мосиевич, к дезертирам повернулся:

– До дому захотили? Зараз пойдете – побегите со всей вашей дури. А ну, босота драная, сымай рубахи и портки! И панталоны сымай!..

* * *

Юнкер Принц свернул телеграфную ленту, аккуратно положил на стол, взглянул вопросительно. Я пожал плечами. Вслух можно было не проговаривать. И в самом деле, чего придумывать? Военный совет разве что провести? Прямо здесь, в телеграфной с разбитыми стеклами и сорванной с петель дверью?

– Самое время совершить мой любимый военный маневр, – мечтательно улыбнулся Хивинский. – Знаете, господа, у нас в батальоне служило много малороссов. Они прекрасно формулировали: «Тикай, хлопцы!»

– Угу. Весьма экзотично-с, – чуть подумав, оценил фольклорист Згривец. – А у нас была команда: «Атаковать Урал». Капитан, эшелон готов, если вы не собираетесь устраивать... э-э-э... Фермопилы...

Военный совет начался по всем правилам. Сперва высказывается младший по званию, затем следующий.

Антонов-Овсеев твердо решил с нами разобраться. От Должанской, где стоят его войска, ехать всего ничего, даже если тихим ходом. Интересно, чем богат будущий троцкист-уклонист? Регулярных частей точно нет, разве что такие же одичалые «запасные». Понятно, Красная гвардия из Москвы и Питера, матросы Железнякова, Сиверса и Ховрина, будущая звезда НКВД Павлуновский со своими башибузуками... А бронепоезда? Это было бы совсем ни к чему.

За разбитым окном требовательно и сурово подал голос паровозный свисток, словно намекая. Пора, пора атаковать Урал! Только где он, этот Урал?

– Эшелон готов, – повторил штабс-капитан. – Кайгородов, чего мы ждем? Как говорится, спасибо этому дому...

Я кивнул. Спасибо! И оружием загрузились, и припасами. У Полупанова обнаружили не только запасы сухарей, так что Принцу с его чертежным почерком придется постараться. Прав маршал Монтекукулли: для войны требуются только три вещи: во-первых, деньги, во-вторых, деньги, в-третьих...

Личный состав даже успел пообедать. Целые сутки постились, а какая война на пустой желудок! Меня тоже звали, но как-то не сложилось. Сгорел аппетит – вместе с Полупановым.

– Чернецов, кажется, на станции Несветаи, совсем рядом? – ненавязчиво намекнул Хивинский, кивая в сторону расстеленной на столе карты, тоже трофейной.

– Что? – спохватился я. – Нет, его срочно отозвали в Новочеркасск, дорога на юг перерезана. Портупей-юнкер Иловайский только что оттуда.

Рука нырнула во внутренний карман, нащупала сложенную вчетверо бумагу. Успел-таки портупей, молодец!

Пора решать.

– Грузимся. Но... Знаете, господа, не хочется начинать войну по-разбойничьи. Налетели, набрали добычи, скрылись. Мы же... Зуавы в конце концов.

– Герольда пошлем к боль-ше-вич-кам-с? – мягко улыбнулся Згривец. – Не много ли чести для этих, растудыть-перевятить хреногловых, в Параскеву Пятницу через орудийный канал...

Я задумался. Герольда? Можно и герольда.

* * *

«Капитану Филиберу.

Сердечно благодарю Вас и чинов Вашего отряда за присланные орудия. Постараюсь не остаться в долгу. Вас же, капитан, отныне считаю своим лучшим другом.

Ваш Василий Чернецов».

Я спрятал записку обратно в карман, постаравшись не помять. Автограф! Хотел толкнуть дверь, но вовремя вспомнил, что это не требуется. Нет двери, отменена именем Революции! Ну-с, что там на станции?

А на станции...

– Р-равняйся! Смир-рно!

Я чуть не попятился. Незнакомый резкий голос, хриплый, словно после бронхита. Незнакомый парень лет двадцати пяти в короткой подшитой шинели. Слева, у сердца – солдатский «Егорий», не простой, с «веточкой». Офицерская фуражка, погоны – один просвет, одна звезда. Правый рукав шинели пустой. Была рука – нет руки.

– Товарищ старший военинструктор! Добровольческий отряд поселка Лихачевка...

Отряд? Человек тридцать будет, такое можно считать и отрядом. Все с оружием, пулемет... «Льюис»? Точно, образца 1915-го, с деревянным прикладом. Неплохо!

– ...Прибыл для получения дальнейших распоряжений. Докладывал прапорщик Веретенников!

Левая, уцелевшая ладонь лихо взлетела к козырьку.

– Вольно, прапорщик!

Поглядел налево, направо поглядел... Кого ты привел, Веретенников? Троих здоровяков-диверсантов, победителей страшной «таньки», я узнал сразу, но остальные... Большинство в гражданском, однако трое в шинелях, вот и бушлат с бескозыркой...

– Мы – Социалистический отряд! – прохрипел прапорщик не без гордости. – Представители партий социалистов-революционеров фракции Чернова и социал-демократов объединенных. Мы не признаем узурпации власти фракцией Ленина и готовы воевать за демократию и Учредительное собрание!

Я невольно сглотнул. Хорошо, что фольклорист Згривец не слышит. Итак, ПСР-черновцы и РСДРП(б), по-простому – эсеры и меньшевики. Вот значит как! В старых фильмах они все больше козлобородыми интеллигентами представлены, в пенсне и с зонтиками. Эти предпочитают «льюис». Разумно, зонтиком Учредилку не защитишь.

– Здравствуйте, товарищи бойцы!

– Здра-а-а!..

Я прошел вдоль строя, вглядываясь в лица добровольцев. Пенсне никто не носил, очков тоже не было. У одного, с Георгиевской медалью на шинели, вместо левого глаза чернела широ-

кая повязка. Возле бушлата остановился. Неужели флотский? Они же все – анархи, которые не большевики!

– Старший комендор Николай Хватков, – понял меня флотский. – Я, товарищ Кайгородов, с большевиками еще в июле дрался, в Кронштадте. Не подведу! Из Норденфельда, между прочим, с закрытыми глазами могу стрелять.

– С закрытыми не надо, – думая совсем о другом, откликнулся я. – Товарищи! Разбираться будем потом, сейчас вы найдете еще один вагон, желательно целый, прицепите к бронеплатформе и...

Вовремя, ох, вовремя! Даже не то хорошо, что у них «лююис», а Чернов не договорился с Лениным. Местные! Эти парни – местные, они здесь все знают!

– Товарищи! – Я отступил на шаг, окинул взглядом воинственных социалистов. – Даю вводную. С севера и юга мы отрезаны. Но в Донбассе... В Каменноугольном бассейне множество железнодорожных веток. Они ведут к шахтам, к поселкам, к складским помещениям, это целый лабиринт...

– Так точно, товарищ старший военинструктор! – откликнулись из строя. – Я пять лет помощником машиниста работал, все тут объездил. Свернем на старую ветку прямо за поселком – сто лет искать станут. А надо будет, возле самой Юзовки вынырнем. Не хуже, чем у зуавов в Алжире выйдет!

Этим, кажется, не придется рассказывать про «маленький и гордый народ». Грамотные они, эсеры с эсдеками!

Я поглядел вверх, в низкое серое небо. Что-то легкое, холодное коснулось лица, затем еще, еще. Снег...

– Ну что, товарищи Зуавы? По вагонам!..

И покроется небо квадратами, ромбами,
И наполнится небо снарядами, бомбами,
И свинцовые кони на кевларовых пастбищах...

* * *

Паровоз, сердитый американец серии «В», еще не успел остановиться, а из распахнутых дверей вагонов-«телятников» уже посыпались на перрон парни в черных бушлатах и знакомых бескозырках. Им не требовался первый класс для лучшего революционного удобства. Как там у Винокурова? «Солдат храпел впервые всласть...» Эти выпались! Винтовки наперевес, бомбы при поясе, пулеметные ленты – крестом на груди. Вот и сами пулеметы, не один, не два. Десант по всем правилам!

Выскочили, оцетинились штыками... Остановились.

– Приготовиться! – негромко приказал командир Максим Жук.

Я так и не понял, к чему именно. Шахтерский отряд стоял ровным строем вдоль платформы, но пять пулеметов – знакомый «картофелекопатель» и трофейные «максимы» – смотрели пустыми зрачками на резвых гостей.

Красная гвардия поселка Лихачевка встречала войска главкома Антонова. Мы тоже не подкачали: бронеплатформа, отведенная за водокачку, готова подать голос. Старший комендор Николай Хватков обещал не отходить от Норденфельда. Все в порядке, все по плану. То есть...

...Еле удержался, чтобы не потерять глаза. Да что они там? Я же не приказывал!..

На стальной башне – свежая белая надпись: «Сюзанна ждет!»

Матросы тоже успели осмотреться. Пулеметы смотрели прямо на нас, но никто не спешил. Еще успеем! И вообще не по-русски это, чтобы с марша в бой. Сперва требуется козлом обозвать, фигу под нос сунуть...

– Ничего, порозумиемся, – уверенно заявил стоявший справа от меня дед-«партячка». – Никуда не денутся.

Я кивнул. Договорятся, понятно, не дурак же Антонов, чтобы шахтерам войну объявлять. Мои Зуавы – иное дело. Но сперва надо выслать герольда.

– Пойду! – рассудил я. – Если что...

Про «если что» само собой вырывалось, красоты ради. Нет, не станут стрелять не объяснившись. Вот, кажется, и переговорщики. Двое? Двое...

– Пошел!

Встретились как раз напротив крыльца, ведущего в никуда – в сожженное дотла станционное здание. В дальнем углу еще что-то дымилось.

Двое смотрели недобро. Ждали. Кому первому представляться? Наверно, мне. Они – гости.

– Капитан Филибер. Добро пожаловать, товарищи!..

Руку у козырька кожаной фуражки опускать не спешил. Пусть ответят!

– Заместитель главкома Сиверс. Командир ударного отряда Флотского экипажа Железняков.

Рука Сиверса взметнулась к фуражке – офицерской, с кокардой и крестом на тулье («мишенью на лоб нацепили крест ратника...»). Железняков небрежно приложил пальцы к надвинутой на ухо бескозырке.

На миг я почувствовал нечто вроде обиды. Проигнорировал нас товарищ Антонов-Овсеенко, не соизволил явиться. А я бы не прочь лично познакомиться с «Кто тут временные?». Впрочем, этих суровых молодых парней я тоже знал. Встречались...

...На Марсовом поле, у вросшей в землю каменной плиты. В тиши Ваганьковского кладбища у старого памятника. А еще в песне, тоже старой. «В степи под Херсоном высокие травы...»

Каждому осталось жить – из горсти отхлебнуть. Я не враг вам, ребята!

– Товарищи! – Я постарался улыбнуться. – Можете доложить главкому об очередной победе. Красной гвардией Лихачевки и моим отрядом разбит целый полк каледицев и корниловцев. К сожалению, в бою погибли товарищ Полупанов и его героический отряд. А все остальное – слухи и провокация.

Теперь оставалось оглянуться – сначала на пулеметы командира Жука, затем на притаившуюся бронеплощадку. «Сюзанна ждет!» Вот удумали!..

Заместитель главкома и командир матросов-«ударников» переглянулись.

– Мой отряд вынужден сейчас вас покинуть, – добавил я. – Должен со всей ответственностью предупредить: банды разбойников и грабителей будем уничтожать без всякой жалости. Хотите устанавливать советскую власть? Проведите для начала референдум!..

Герольд вручил вызов. Теперь мы смотрели друг другу в глаза.

– Ты уничтожил отряд Мишки Полупанова, – дернул губами Железняков. – Уважаю! Но учти – в плен не возьму. Ни тебя, ни твоих... Зуавов.

Ого, вот это слава! Что ж, козлом, кажется, обозвали. Ответить? Нет, не хочется ругаться.

– А я о тебе, Анатолий, песню слышал:

– Ребята, – сказал,
Обращаясь к отряду,
Матрос-партизан Железняк, —
Херсон перед нами,

Пробьемся штыками,
И десять гранат – не пустяк!

– Херсон еще не брал, – равнодушно откликнулся тот, кому предстояло лечь на Ваганьковском. – Но за песню – спасибо. Десять гранат и вправду не пустяк.

– Отдай бронеплощадку, Филибер, – поморщился Сиверс. – Может, тогда и сговоримся. Я вскинул руку к фуражке.

Усмехнулся.

– Возьмите!

* * *

...И он увидел всех троих со стороны – трех призраков среди серой мглы. Исчезла неверная, нарисованная грубой кистью твердь, и все предстало в истинном своем свете. Не Мир, не Космос – хаос, наполненный мириадами душ-песчинок, исчезающих, летящих неизвестно откуда неведь куда. Его песчинка, маленькая бабочка, оказалась лишней, беззаконной. Слишком малая, чтобы быть сразу замеченной, она уже успела своим появлением изменить это вечное движение. Хаос дрогнул, еще не понимая, но уже чувствуя. Хоровод душ на миг замер, а затем закружился вновь, все быстрее, быстрее, быстрее...

Лабораторный журнал № 4

13 марта

Запись пятая

Еще раз перечитал Правила ведения Журнала (для чего-то же их цитируют!). Судя по всему, наиболее важен уже поминавшийся пункт 2. Вот он полностью:

«В журнале обязательно указывают дату выполнения эксперимента. Работа должна иметь название – заголовок, а каждый ее этап – подзаголовок, поясняющий выполняемую операцию. Кратко описывают ход работы и приводят название использованного литературного источника. Если анализ выполняется в точном соответствии с приведенной в литературе методикой, можно ограничиться лишь ссылкой на нее».

Все сие мною по возможности соблюдается. Источники, увы, указать могу не всегда – из соображений элементарной безопасности. Конечно, Правила – просто шутка, зато не шутка сам Журнал. Он важен не только в качестве отражения «хода работы» (о технических деталях проекта писать пока не приходилось), но и как необходимое психологическое подспорье для того, кто пойдет следом. Кажется, я повторяюсь, но очень важно разобраться, почему Первый и все остальные приняли именно такое решение. В конце концов, каждый из нас имел возможность поступить по известному завету Воランダ – выпить чашу яда на пиру в кругу хмельных красоток и бедовых собутыльников. Q-чип стоит куда дороже – во всех смыслах.

Все очень субъективно. Насколько я понял, одним из мотивов Первого стало резкое неприятие нынешней эпохи. Изменить ее, даже на личном уровне, возможности он не имел (поздно!). Q-реальность казалась оазисом, где можно отдохнуть от пресловутой «злости дня». В прошлом он был последователем Джеймса Гранта, что многое объясняет. Классический случай Хворобьева, описанный в «Золотом теленке». Пострадавшему от революции интеллигенту, вынужденному служить в страшном «Пролеткульте», наконец-то подарят правильный, идейно выдержанный сон. «Хворобьеву хотелось бы увидеть для начала царский выход из Успенского собора». Тем интереснее постепенный отказ от «ухода». Грозные инвективы становятся реже, мягче, потом и вовсе исчезают. «Что-то теперь делается в этом проклятом Пролеткульте?» – думал он».

Мы с Первым определенно сверстники, но у меня нет и тени недовольства XXI столетием. Эпоха относительной стабильности и свободы информации меня вполне устраивает. Даже пресловутая молодежь, которая «не туда пошла», более чем знакомая благодаря моей преподавательской судьбе, не кажется непереносимой. Пусть себе! Увидеть и услышать можно всякое. Не так давно одна моя студентка заявила, что «Деникин» – это линия модной косметики, а Корнилов написал «Анну Каренину». Я не расстроился. Может, и правильно, что Гражданская, столь реальная для моего поколения, уходит безвозвратно в Прошлое? Чапаева помнят – и хорошо.

Но это, увы, не так. Совсем не так. Не хочется даже помянуть нынешних «красных» и «белых». У их предшественников было какое-то обаяние, что у поручика Голицына, что у Мальчиша-Кибальчиша. А эти... «Деникинская» линия косметики – ничто по сравнению с недавно вычитанным перлом: «Большевики, как истинно православные люди...»

Не хотел писать в Журнале о мелочах, но вещи великие на ум пока не приходят. Зато сегодня смог еще раз посадить в лужу некоего «знатока» («знатоки» эти куда хуже любительницы косметики «Деникин»). Сей «тоже историк» распинался о том, что почти все известные

«белые» песни – позднейшие подделки. Если бы речь шла о том же «Поручике Голицыне», я бы не спорил, но помянут был любопытнейший текст «Прощания славянки», написанный, судя по всему, весной 1920 года в Крыму. Он достаточно известен прежде всего своим ударным куплетом:

Через вал Перекопский шагая,
Позабывши былые беды,
В дни веселого, светлого мая
Потянулись на север Дрозды.

С точки зрения «знатока» – очевидная подделка, причем недавняя. Заодно была разоблачена казацкая песня Русско-японской войны («За рекой Ляохэ загорались огни») – основа будущего «красного» варианта Николая Кооля. Песню про Ляохэ, оказывается, написал журналист Виталий Апрелков в 2000 году.

Не вытерпел, снял с полки соответствующий том: «Русская армия генерала Врангеля. Бои на Кубани и в Северной Таврии». Читаю воспоминания артиллериста Виктора Ларионова:

«Пели и новую, уже сложенную в Крыму полковую песню:

Через вал Перекопский шагая,
Позабывши былые беды,
В дни веселого, светлого мая
Потянулись на север Дрозды».

Оснований не верить штабс-капитану Ларионову нет, а посему следует признать, что этот вариант «Прощания славянки» не только существовал в мае 1920 года, но и стал полковой песней Первого полка Дроздовской дивизии. Отчего Первого? Чуть выше Ларионов упоминает «первую роту Первого полка», несущую свой традиционный Андреевский флаг под пение «Славянки».

Вопросы, господа знатоки?

Осталось разобраться с рекой Ляохэ. Жаль, времени мало.

Если же судить по гамбургскому счету, основания для эмоций у нынешних «красных» и «белых» имеются. Давняя война, о которой многие напрочь забыли, аукается до сих пор. Ее итогами (окончательными, а не перекопскими) не могут быть довольны ни Голицыны, ни Кибальчиши. Такую историю, которую мы имели в XX веке, не в силах были представить даже самые фанатичные Павки Корчагины. И дело не в злодее Сталине, которого принято предавать дежурному проклятию. Точнее, не только в нем.

Пора перейти к техническим подробностям, игнорируемым в предыдущих записях. Сегодня в 11.20 провел пробную активацию Q-чипа. Результат положительный. Следующая проверка – через два дня.

Пробный пуск программ, скачанных с диска, тоже удачен. Я не зря предпочел переплатить за оригинальный диск, а не пользоваться самопальной копией. Считать копейки уже не имеет смысла. Впрочем, главное – чип, «несуществующее» чудо Джека Саргати. Первое время постоянно прислушивался: как «оно» там. Сама мысль, что «оно» имплантировано в мозг, порой приводила в состояние, близкое к панике. Размеры чипа и его местонахождение мне хорошо известны, но это не слишком успокаивало. Помог Журнал № 1. Первый подробно описывает подобные же ощущения, постепенно сменявшиеся привыканием и даже легкими

насмешками над прежними страхами. Все верно. То, что я отказался удалять в нашей клинике, куда крупнее и значительно опаснее. А ведь привык! Не то чтобы совсем...

Боли пока терпимые, можно сказать, вполне штатные. Три-четыре спокойные недели у меня есть. Однако требуется принять принципиальное решение. Доводить дело до приема наркотиков нельзя – я еще хочу вернуться и побыть некоторое время в этом лучшем из миров. Кроме того, даже относительно безвредный морфин может нарушить функции мозга, в результате чего Q-чип станет бесполезен. Значит, следует поспешить.

Из новых болеутоляющих хвалят КЕТОРОЛАК. Хорошо отзываются о «полинезийском пенициллине» НОНИ, однако назойливая реклама начинает смущать. «Замечательная лечебная сила этого чудесного полинезийского растения медицинская наука долгое время игнорировала – но только до сегодняшнего времени!» Лет пятнадцать назад в таких же выражениях рекламировали чудодейственную целебную силу белого керосина.

Q-исследования: результаты и перспективы

3. Основные направления: современное состояние (продолжение)

Если «хакеры сновидений» и последователи Джимми-Джона были известны исключительно в кругу исследователей Ноосферы и (отчасти) прикладных мистиков, то движение DP-watchers («Наблюдающих сны о Прошлом», «DP» – «Dream of the Past») некоторое время пользовались весьма широкой популярностью. Свидетельством этого стала не только DP-мода (об этом – ниже), но и возникновение многих легенд, связанных с данным феноменом.

Одна из таких легенд посвящена открытию DP-эффекта. Она гласит, что в июле 1993 года некто Том Брэйвуд, житель города Сан-Диего, Калифорния, принял одновременно три таблетки. Среди лекарств был диазепам – вариант препарата валиум. В результате примерно через минуту после приема последовала потеря сознания, длившаяся около шести минут. За это время Брэйвуд успел, по его уверению, побывать (позже стал использоваться термин «погрузиться») в собственном прошлом (в 1982 году).

Легенда кажется весьма сомнительной. По другим сведениям, DP-эффект был открыт в одной из крупных медицинских корпораций во время испытания новых лекарств.

Некоторые особо увлеченные «наблюдатели» считали также, что истоки DP следует искать еще в 40-х годах XX столетия, в том числе и в печально знаменитом Филадельфийском эксперименте. Никакими доказательствами столь смелое предположение не подкреплялось.

Несмотря на разные оценки DP-эффекта, почти все они сводятся к тому, что «наблюдатель» оказывался в собственном Прошлом (вариант – в «параллельном временном потоке»). Время пребывания варьировалось от нескольких минут до нескольких суток. Варианты «трех таблеток» постоянно множилось, позже стали применяться уколы сильнодействующих препаратов, в том числе наркотических.

«Наблюдатели» (из научного интереса и по более приземленным причинам) неоднократно пытались «изменить» собственное Прошлое (или то, что они за Прошлое принимали). Результаты такого вмешательства оценивались по-разному, но в любом случае они были (если были!) незначительны.

Движение DP-watchers быстро приобрело немалую популярность, в том числе благодаря наличию сотен интернет-сайтов, нескольких журналов и ряда легальных объединений. В широкую продажу поступили особые DP-часы с пустым циферблатом (не удержался – прикупил). Власти некоторое время воздерживались от какого-либо вмешательства.

При всей своей активности DP-watchers, однако, так и не смогли понять, что стоит за эффектом: обычная галлюцинация или действительно некое перемещение по собственной жизни. Отколовшиеся от основного движения приверженцы «черного DP» (применявшие сильные наркотические средства) заявляли об удачных случаях перемещения в «параллельные миры», что не было, однако, ничем доказано.

Огромный материал опытов по «погружениям» никем не обобщался и не систематизировался. Движение DP-watchers постепенно вырождалось в своеобразный клуб любителей «ноосферного экстрима».

Осенью 2004 года, после ряда смертных случаев, связанных с употреблением недоброкачественных лекарств и наркотических средств, власти многих стран, включая США и РФ, приравняли DP к обычной наркомании, после чего движение быстро распалось и ушло в подполье. В настоящее время деятельность DP-watchers фактически сошла на нет.

Наиболее трезвые исследователи Ноосферы считают, что вся эпопея с ДР была заранее продуманной авантюрой, организованной наркоторговцами и производителями лекарственных препаратов. Джек Саргати и его единомышленники, первоначально относившиеся к «наблюдателям» снисходительно, впоследствии решительно их осудили. Заявления некоторых фанатиков ДР о том, что они вплотную подошли к созданию «машины времени» (или даже создали ее) нельзя принимать всерьез.

Timeline QR-90-0

2-1

Мир не хотел меняться. Он и так был совершенным – от последней снежинки, от обломанной черной ветки, брошенной в январский сугроб, – до кроваво-красного солнца, не спеша поднимавшегося над белыми конусами спящих терриконов. Мир не хотел расти, раздвигаться вдаль – вдоль узкой ленты «железки», уходить в сторону короткими станичными улицами, рваться на части с каждым снарядом, разбрасывавшим черные комья ни в чем не повинной земли. Мир чувствовал в себе чужака. Не в силах его отторгнуть, Мир пытался сопротивляться, то упруго пружиня, то поддаваясь для виду и становясь бездонной топью, не замерзающей даже в крещенский мороз.

Миру незачем было становиться другим. Путь, которым он двигался из Вечности в Вечность, казался не самым лучшим, неоптимальным даже, но единственно возможным. Мириады песчинок-судеб, сталкиваясь и расходясь, умирая и рождаясь, незаметно для себя толкали невероятную тяжесть Вселенной, и Мир неспешно, словно нехотя, двигался согласно этому неисчислимому броуновскому движению. Чужая, пришлая воля, маленькая неприметная бабочка, когда-то выдуманная американцем Брэдбери, была лишней, опасной – и тысячи песчинок-душ неосознанно, подобно лейкоцитам в открытой ране, пытались ей помешать. Но их порыв, тоже непредусмотренный и неучтенный, лишь увеличивал отклонения от извечного пути. И вот уже менялось то, чему незачем меняться, легкие круги на черной воде вскипали гребнями волн, разбивая крепкий зимний лед.

Он не знал всего этого – и не мог знать. Он лишь чувствовал сопротивление, внезапную упругость не подвластного ему бытия – в каждом новом дне, в каждом новом бое, в каждом глотке ледяного зимнего ветра.

Он не спорил. Он жил. Его мир несмотря ни на что был прекрасен.

* * *

– Хивинский, какого черта атаковали в конном строю? Мы же решили – только в пешем, коней – коноводам. У них же пулеметы...

– Ай, бояр! Не ругай, бояр!..

– Поручик, вы – не Текинский полк, я – не Корнилов. Так что не надо про «бояра», не смешно... Вы, между прочим, инженер по образованию, а не гусар. Я вас в саперы переведу!

– Не губи, бояр, отслужу, бояр!.. Николай Федорович, да там же мастеровые, Красная гвардия, даже не матросы, они винтовку заряжать не умеют. Вы же видели: сразу за мир проголосовали – двумя руками.

– Хивинский!.. Господин полковник, Леопольд Феокистович, скажите вы ему!

– Ну-ну, молодые люди! К чему горячиться? А вы, Михаил Алаярович, не обижайте командира – и авторитет не подрывайте. Сказано пешими – значит, пешими. Сказано рачьим способом – извольте-с соответствовать.

– Ой, бояр! Стыдно мне, бояр. Пойду харакирю делать, бояр!

– Господин поручик!!!

* * *

Он не видел, не мог видеть вечного движения своего Мира – маленького и одновременно такого огромного, не мог рассмотреть ускользающий от взгляда хоровод песчинок-душ. Мог лишь чувствовать – и сомневаться. Теорию он помнил: от первой стадии неверия и шока...

...Я знаю, что это – ненастоящее!

Через вторую, через «синдром шлема», отсекающий эмоции, превращающий жизнь в компьютерную «стрелялку» – к растворению, к полной гармонии.

Гармония не наступала. Мир был по-прежнему отделен стеклом. Местами оно истончилось, местами треснуло, но рука то и дело натывалась на его холодную поверхность. Иногда стекло казалось льдом – непрозрачным, неровным, как тот, что покрывал маленькие окошки затерянной среди донской степи хаты.

Еще одна странность этого странного мира. Хутор под соломенными стрихами – обычный, малороссийский – а жили в нем казаки, столь же обычные служивые донцы. Но он уже не удивлялся. Здесь, на южной околице Каменноугольного бассейна, который еще не называли Донбассом, можно было увидеть и не такое.

Он привык.

Я... Я привык.

* * *

– Их шепот тревогу в груди выселил,
а страх
под черепом
рукой красной
распутывал, распутывал и распутывал мысли,
и стало невыносимо ясно:
если не собрать людей пучками рот,
не взять и не взрезать людям вены —
зараженная земля
сама умрет —
сдохнут Парижи,
Берлины,
Вены!

Вдобавок ко всем своим неисчислимым недостаткам поручик Хивинский очень любил современную поэзию. Добро бы еще туркменскую (текинскую? узбекскую?), так нет же! Выпускник Николаевского инженерного училища предпочитал даже не русский серебряный век, а самых настоящих кубофутуристов.

Декламацию Бурлюка и Крученых я пресек. Запретить Маяковского не решился.

– Дантова ада кошмаром намаранней,
громогласие меди грохотом изоржав,
дрожа за Париж,
последним
на Марне
ядром отбивается Жоффр...

Читал Хивинский отменно. Легкий акцент, скользивший в его обычной речи, пропадал без следа, слова падали четкие, совершенные, изысканно-холодные. Форма примиряла с содержанием. Даже полковник Мионковский, приходивший в ужас от одного упоминания «современных», слушал внимательно, не пропуская и звука. Густые брови сдвинулись к переносице, огромная ладонь уютно устроилась в седой бороде...

– В телеграфах надрывались машины Морзе.
Орали городам об юных они.
Где-то
на Ваганькове
могильщик заерзал.
Двинулись факельщики в хмуром Мюнхене...

Показалось, что я ослышался. Это что, Маяковский? Писалось три года назад, сейчас – январь 1918-го, факельщики двинутся по мюнхенским улицам только через несколько лет. Их главный пока даже не подозревает о грядущих «факельцугах», задыхаясь от иприта где-то на Западном фронте...

Поэт! Опасные они люди, поэты.

– Теперь и мне на запад!
Буду идти и идти там,
пока не оплатят твои глаза
под рубрикой
«убитые»
набранного петитом...

Нам пока не идти на запад. Там – войска Антонова-Овсеевского, там черноморские моряки, высадившиеся на побережье Азовского моря. На север тоже нет хода, на севере Сиверс и его балтийцы, прочно занявшие Каменноугольный бассейн. На востоке – заснеженная степь до самого Царицына, где собирает войска будущий диктатор Северного Кавказа Автономов.

Можно только на юг. Но там нас не слишком ждут. Для «максималистов», будущих «красных», мы – «кадеты». Для тех, кто на юге, для Войска Донского и Алексеевской организации мы...

И в самом деле, кто мы для них?

– Ну, не понимаю, господа! – Лапища Мионковского оставила в покое бороду, скользнула по расстегнутому тулупу. – Зачем так уродовать слова? Конечно, когда-то и Надсон казался чем-то из ряда вон, но такое... Нет, нет, не мое!

Бой позади – внезапный, короткий, почти бескровный. Красногвардейский отряд предпочел сдаться, услышав лихое гиканье нашей импровизированной конницы. Хивинский все-таки молодец.

– Ну, тогда вам, Леопольд Феоктистович, Ломоносова должно читать, – меланхолично парировал поручик. – Вот-с, обратитесь к Николаю Федоровичу, он, как и вы, истинный ретроград.

Интересно, как там дела у фольклориста Згривца? Сил у него побольше, но и противник серьезнее – красные казаки Подтелкова. Зато у штабс-капитана – бронеплощадка, страшная и ужасная «Сюзанна ждет!». Поэтому я и рискнул, взял с собой батарею вместе с Мионковским, нашим Père Noël.

– Что? – наконец, сообразил я. – Ломоносова? «Борода предорогая, жаль, что ты не крещена...»?

Леопольд Феоктистович смущенно заерзал. За седую бороду его и прозвали Рождественским Дедом. За нее – и за то, что в отряд он пришел аккурат в сочельник, причем с большим и тяжелым мешком.

В мешке была тщательно проложенная ветошью артиллерийская оптика. Подарок пожилого отставника, помнившего еще Шипку и Шейново, оказался очень к месту.

Я поглядел в белое, затянутое льдом окошко. На войне – перерыв, до утра можно не спешить. Хоть Маяковского читай, хоть Ломоносова, хоть Андрея Вознесенского. Всяческие «янки» при дворе осчастливленных ими Артуров предпочитали Высоцкого, но гитары в хате не оказалось, да и отвыкли мои пальцы от «трех аккордов».

Ладно...

– Тоже современное, – объявил я. – Современней некуда.

...Только через девять лет напишут.

– Зато почти про нас с вами. Даже погода соответствует.

Я вновь покосился на заледенелое окно. Партизанить в зимней степи – тот еще бал-маскарад. А впереди – февраль, страшный месяц «Доживи до весны»...

– Широки просторы. Луна. Синь.
Тугими затворами патроны вдвинь!
Месяц комиссарит, обходя посты.
Железная дорога за полверсты.

Рельсы разворочены, мать честна!
Поперек дороги лежит сосна.
Дозоры – в норы, связь – за бугры, —
То ли человек шуршит, то ли рысь...

В будущем Ледяном походе корниловцы станут шарахаться от железных дорог, переходя их с боем, словно партизаны Ковпака. Мы поступали наоборот. Угля и паровозов в Каменноугольном бассейне хватало с избытком, а бесконечная паутина «железки» позволяла без особого труда исчезать на целые недели – как бы ни надрывались в телеграфах машины Морзе – появляясь там, где нас не ждали.

Приходилось думать и о будущем. Конница у нас уже была, немного, конечно, всего три десятка сабель...

– Эх, зашумела, загремела, зашурганила,
Из винтовки, из нареза меня ранила!

Ты прости, прости, прощай!
Прощевай пока,
А покуда обещаю
Не беречь бока.
Не ныть, не болеть,
Никого не жалеть,

Пулеметные дорожки расстеливать,
Беяков у сосны расстреливать...

А еще мы начали устанавливать трофейные «максимы» на обычные сани. Выходило недурственно. По первой весенней траве побегут и рессорные тачанки-ростовчанки – пулеметные дорожки расстеливать.

– Отменно, – констатировал поклонник кубофутуризма. – Только... Николай Федорович, беляки – это зайцы? Или... Мы?

* * *

А еще он... А еще я временами начинал поглядывать на мир за стеклом с определенным сомнением. Не факт существования беспокоил – вот он факт, тронь рукой, не вселенские непостижимые законы, Эверетт с ними со всеми. Мир, маленький и совершенный, внезапно оборачивался чем-то слишком знакомым, до тошноты привычным. А сомневался я в том, стоило ли вообще огород городить, если и в этой Вселенной приходилось упираться лбом даже не в воспетую классиками «историческую необходимость», а в нечто более ординарное, зато куда как конкретное. Скажем, данный китель цвета хаки...

...«Морозовской» первосортной диагонали, хорошо пригнанный, пахнувший утюгом и одеколоном. Серебряные погоны с двумя просветами, светлые аксельбанты, на правой стороне – знак Академии Генерального штаба. Еще выше – красный Владимир, правда, без мечей.

Великолепие несколько портили штаны. Не брюки, а именно они, в полоску и чуть коротковатые. По-видимому, по этой причине Китель пытался прятать ноги под стол.

– Господин... а-а-а... Кайгородов, а имеются ли у вас документы, удостоверяющие вашу службу в... а-а-а... Российской императорской армии?

В руке Китель вертел ножик для разрезания страниц. Привычное оружие!

– Не имеется, – честно признался я. – В Императорской – не служил. Но сейчас речь не обо мне...

Интересно, какого идиота во время войны не заинтересует отряд в триста штыков с бронеплощадкой и батареей пехотных 7,62-миллиметровых орудий? А вот поди ж ты!

– Отчего же не о вас, господин... а-а-а... Кайгородов? Вы изволили прийти в вербовочное бюро Алексеевской организации, значит, речь идет прежде всего о вас... Кстати, могу сообщить по секрету, что отныне мы именуемся Добровольческой армией.

Я лишь вздохнул. Вот спасибо, поделился! Даже если бы я не читал школьный учебник, об этом «секрете» уже развонила утренняя «Донская волна». Не только о нем, конечно. Приезд генерала Корнилова в Новочеркасск, предстоящий перевод штаба «добровольцев» в Ростов... Легко работается местным Штирлицам!

Пока штаб еще здесь – Новочеркасск, столица Войска Донского, улица Барочная, воспетая и прославленная в сотнях мемуаров. Я тоже сунулся в обитель будущих первопоходников – чтобы наткнуться на Китель.

– Видите ли, господин Кайгородов...

– А-а-а... – подсказал я.

Ноги в полосатых штанинах нервно задергались.

– ...У нас очень строгий отбор. Очень, очень строгий... А-а-а... Если бы вы – или чины вашего, как вы утверждаете, отряда Зуавов, имели бы рекомендации от кого-то из сотрудников генерала... а-а-а... Алексеева...

– От Чернова не подойдут? – наивно уточнил я. – Рекомендации?

Я не шутил. Посланец от Виктора Михайловича Чернова, спикера Учредилки и несостоявшего президента России, приезжал в отряд на прошлой неделе. Эсеры не забывали своих. Оружие лишь пообещали, но деньги вручили вполне реальные.

Однорукий прапорщик Веретенников, ныне командир 2-й Социалистической роты, ходил гоголем и требовал поднять красный флаг на башне бронеплощадки.

Кажется, с Черновым я пересолил. Китель дернулся, привстал... Я перевел взгляд на его штаны и принялся считать полоски.

– В любом случае, господин Кайгородов, прием в Добровольческую армию осуществляется в индивидуальном порядке. Ни о каких отрядах и речи быть не может, равно как о каком-либо «сотрудничестве». Чины вашего... Ваши, пардон, Зуавы должны явиться сюда для личного собеседования. Тех, кто будет достоин...

Я подождал, но договаривать Китель не стал. Даже «а-а-а...» не удостоил.

– Штаны погладьте, – посоветовал я и повернулся через правое плечо.

«Белая гвардия! Путь твой высок...» Ага!..

* * *

Возле входной двери кто-то заботливо пристроил старое ведро, от которого за десять шагов несло окурками. Рядом скучал колченогий стул. Я нерешительно остановился, полез рукой в карман полушубка, нащупал твердую пачку. Курить на морозе не хотелось, в конце концов, меня никто не торопит.

Стул я проигнорировал, предпочтя широкий низкий подоконник. Размял папиросу, сложил гармошкой, достал пленного «австрийца»...

Щелк!

Черт меня сюда понес на Барочную! О чем я думал договориться с этими Голицыными и Оболенскими, с этим Kornilov's Traveling Band? У них-то и армии нет, разговаривать надо с Донским правительством, с Калединым...

У которого, впрочем, тоже с войсками декохт.

Входная дверь хлопнула, но я даже не повернул головы, глядя в мутное, давно не мытое окно. Еще один, «доброволец», поди. А мне что тут делать? Не иначе переслушал в детстве про «Четвертые сутки пылает станица...». Стоп, какая станица? Детство – это «Неуловимые мстители», про поручика с корнетом я впервые услышал только после первого курса, в экспедиции. «Белая романтика» вспомнилась с эполетами и аксельбантами? Гены требуют, из глубины хромосомин зывают? Какие требуют, а какие совсем наоборот. Что бы сказал мой дед-Кибальчиш? Страшно представить!..

– Разрешите прикурить?

– Да, конечно...

Не глядя, протянул зажигалку-трофей, потом все-таки обернулся. Некто ушастый и уса-тый в теплой зимней фуражке не слишком умело сворачивал «козью ногу». Я сочувственно вздохнул, извлек из кармана «Salve»:

– Барских не желаете?

– О! Крайне признателен, сударь! Только с позиций, купить не успел.

Пачка была последней, и я прикинул, где в Новочеркасске можно достать мои любимые с ваткой.

– А не подскажете, господин...

На синих погонах – один просвет без всяких звездочек. То ли капитан, то ли...

– Есаул, – улыбнулся ушастый, перехватив мой взгляд. – Войско Донское.

Улыбка у есаула оказалась чрезвычайно приятной, хотя и слегка снисходительной. Встретил штафирку!

– Спасибо, господин есаул. Я, знаете, личность глубоко штатская...

Улыбка погасла, ярко блеснули глаза – синие, в цвет погон.

– Но вы, как я вижу, все-таки пришли сюда, а не в ресторан «Арагви», господин...

«Арагви»? Что-то помнится, кажется, встречал в мемуарах Суворина. Хвалили-с!

– Кайгородов Николай Федорович.

– Чернецов Василий Михайлович. К вашим услугам.

Кто-о-о?! Стоп, и чему я удивляюсь? Есаул и должен быть здесь, в Новочеркасске, именно сегодня его отряд отозвали с фронта, я лишь не знал, что мы встретимся на Барочной.

Я глубоко затянулся, наслаждаясь прекрасным турецким табаком. Повернулся к окну, попытался пустить колечко дыма. Давно не тренировался, правда...

...Одно колечко, второе... Неплохо! Хорошо! Даже отлично!..

– Ну как там мои пушечки, Василий Михайлович? Бахают?

Моргнул, взглянул недоуменно. Приоткрыл рот... Наконец, резко выдохнул:

– Не может быть! Капитан Филибер?!

– К вашим...

Ай! Душить-то меня зачем? Ребра, ребра!..

– Филибер! Филибер, вы! Ну, слава богу, наконец-то. Где вы все время прячетесь? Я же давно хотел... Я же... Вы меня тогда так выручили! Если бы не ваши трехдюймовки...

– Ва-си-лий Ми-хай-ло-вич! Кости не ломайте!.. Господин есаул-у-ул!..

Теперь мы смотрели друг на друга. Чернецов смешно морщил нос, качал головой. Но вот улыбка исчезла, затвердел взгляд:

– Договоримся сразу. Без «ичей», без «есаулов» – и на «ты». Если не в строю.

Я охотно кивнул. Усмехнулся:

– А ты меня, Василий, сначала построй.

* * *

– А чего ты от них хотел, Филибер? Правильно говоришь: бродячие музыканты. Traveling Band – правильно? Я бы и сам сюда век не совался, так Каледин прислал. Совсем на фронте хреново, жмет Сиверс, уже Миус переполз. Морячки в Таганроге высадились, на Батайск идут, кокаин нюхают... И даже не в этой сволочи, я тебе скажу, дело. Наши воевать не хотят, уперлись – мол, договоримся, большевики Дон признают... Про Голубова слыхал? Не избрали атаманом, вот и решил шансом воспользоваться. Очень опасный, хуже него – только Подтелков... Тут ведь какая идея была? Отряды создаем – маленькие, но кусучие. Семилетов, Курочкин, Греков, Федя Назаров, я... Переносим войну на территорию противника, штабы громим, коммуникации разрываем. «Партизанка», одним словом. А в это время Атаман войско поднимает. Хотя бы две дивизии, хотя бы одну... Чего вышло, сам видишь. У меня в отряде – студенты с гимназистами, смотреть жутко, скаутский лагерь – не армия. А офицеры... Здесь, в Новочеркасске, однажды собрались тысячи полторы, полк целый. О делах, значит, покалякать, о текущем моменте. Я им этот момент и разъяснил. Я, говорю, пойду драться с большевиками, и если меня убьют или повесят «товарищи», буду знать, за что. А за что они вздернут вас, когда придут? Ясно за что – за шею! И знаешь, сколько ко мне в отряд записалось? Аж двадцать семь человек. И те после разбежались. Вот так и воюем. Не Сиверс нас разобьет – свои сдадут, вот что страшно. Как ты у себя в Каменноугольном держишься, не представляю. А теперь... Хочу у Корнилова батальон выпросить – всего на одну операцию. Есть задумка «товарищей» потрепать, может, еще несколько дней выиграем. А ты, Филибер, вот что: к Корнилову не ходи, и к Алексееву не ходи. Они – кубыть Иван Иванович с Иваном Никифоровичем у Гоголя – меж собой разобраться не могут. Ты с Деникиным поговори, Антон Иванович среди этих... музыкантов самый вменяемый. Нет, лучше сделаем. Я сегодня Каледину скажу, он записочку черкнет... Тебя не только выслушают – коврающую дорожку простелят. И не пропадай, Филибер, самое время сейчас вместе держаться. Самое, я тебе скажу, время!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.